

Наша судьба - целина

воспоминания, очерки

Алма-Ата, «Жалын», 1984

20834

Рецензент А. Егоров

Вулканическая ЦБС
Сев. Каз. обл.

Н 37 **Наша судьба — целина:** Воспоминания, очерки
(Составители В. П. Елисеев, В. Р. Гундарев.— Ал-
ма-Ата: Жалын, 1984.—108 с.

Сборник воспоминаний и очерков подготовлен при участии Со-
вета ветеранов комсомола при Целиноградском горкоме ЛКСМ Ка-
захстана и воскрешает страницы истории создания комсомольских
ячеек в степном краю.

Особое место в биографии комсомола занимает целинная эпопея.
В этот период особенно ярко проявились лучшие черты советских
людей, сформировался «целинный характер», упрочилась дружба
и братство народов страны.

Незабываемые события и эпизоды первых целинных лет пред-
стают в воспоминаниях Героев Социалистического Труда А. Барае-
ва, Г. Галуцака, Л. Картаузова, а также первоцелинников К. Кам-
фориной, К. Сыздыкова и др.

К $\frac{4803010000-198}{408(05)-84}$ 18—84

65.9(2)32—5

© Издательство «Жалын», 1984 г.

Возвышенская ЦБС
Северо-Каз. обл.

2105/4/

Земля щедрой дружбы

Жил в давние времена кузнец. Отковал он меч, которому не было равных по крепости стали и остроте клинке. Умирая, он передал меч и секрет мастерства сыну. Тот — своему. Так и передавали из поколения в поколение тайну булата, кузнечное мастерство и меч. Но у одного из кузнецов рождались только дочери, некому было передать тайну булата, и мастер унес ее с собой... Так был утерян секрет булатной стали.

Эту притчу рассказал мне как-то первоцелинник, Герой Социалистического Труда Леонид Михайлович Картаузов. Ее смысл выходит далеко за рамки отраженной в ней конкретности, речь ведь не только о тайне булата, а о преемственности поколений, необходимости тесной духовной связи между ними, нерасторжимости дела и идеи.

Стремление каждого поколения советских людей — передать своей смене самое лучшее, ценное, дорогое, чтобы она унаследовала не только, скажем, все созданное его руками, профессиональное мастерство, трудовую закалку, но и переняла его душу, накопленное духовное наследство, завоеванное в нелегкой борьбе за счастье, в тяжелых испытаниях, выпавших на долю нашей страны.

История Отечества для каждого из нас — не отвлеченное понятие, мы воспринимаем ее не как абстрактное прошлое:

она неразрывно связана с судьбами советских поколений, а, значит, и с биографиями нас самих.

В емких, величавых строках Государственного гимна СССР — концентрация наших мыслей и чувств, реальное воплощение ленинских идей об укреплении братства народов, населяющих Советскую Отчизну. В них — суть нашего образа жизни и труда, ими определяется и подлинная атмосфера повседневной действительности. Владимир Ильич Ленин, чьи принципы легли в основу советской национальной политики, подчеркивал: «Мы хотим добровольного союза наций, такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой... который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии».

Чувство несокрушимой братской дружбы прочно связывает и единит народы нашей страны, является мощным катализатором прогресса, успехов и свершений во имя Отчизны. В этом можно убедиться на примере нашей республики.

Советский Казахстан пришел к высотам созидания, накопив огромный экономический и научно-технический потенциал, став равным среди равных в созвездии братских республик. И как тут не вспомнить высказывание члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаева:

«Без сплоченности и единства, без нерасторжимой дружбы наших народов невозможно представить ни целинную эпопею, ни могучий взлет нашей многоотраслевой индустрии, достижения которой сделали бы честь любой из высокоразвитых стран».

Такими красноречивыми примерами насыщен каждый день жизни и на земле целинного Пришимья, записывающий в свой актив все больше трудовых достижений. Дружба наших народов расцвела и окрепла, проявилась с особенной четкостью и конкретностью в период освоения казахстанской целины. Фундамент ее в акмолинских степях был заложен Сейфуллиным и Мониним, Авдеевым и Нуркиным, Майкуто-

вым и Дризге и другими активными борцами за Советскую власть.

Славные традиции революционеров были продолжены в последующие годы теми, кого сегодня мы уважительно называем представителями старой большевистской гвардии. И в их числе ветераны партии Мукатай Нуркенов, Николай Васильевич Храбрых, Рива Абрамовна Красная, Жумабай Исин, Василий Павлович Елисеев, Даниил Евдокимович Рябинцев.

Друг познается в беде, дружба проверяется в испытаниях. Не было горше беды и суровее испытаний, чем те, что выпали на долю нашего народа в годы Великой Отечественной войны. Советские люди одержали победу, потому что их поддерживала любовь к Отчизне, потому что вспоены они были живительными соками нерушимого братства. Это доказали своими подвигами и наши земляки Герои Советского Союза Акан Курманов, Юрий Малахов, Сагадат Нурмагамбетов, Михаил Яглинский, Александр Петров, кавалер орденов Славы трех степеней Альмухан Сембинов, дважды Герой Советского Союза Талгат Бегельдинов, герой штурма рейхстага Рахимжан Кошкарбаев. Алой кровью скреплена наша братская дружба, что крепче самой сверхпрочной сварки, тверже самого сверхзакаленного сплава.

Эту славную дружбу, испытанную в огне войны, принесли первоцелинники в ковыльную степь Казахстана. Здесь, на этой земле, поднялись самые золотые колосья нашей целинной дружбы, возвращены самые обильные урожаи. Целину, освоенную самоотверженным трудом советских людей, не зря называют «планетой ста языков». Это не поэтическая гипербола, а реальность, наша повседневность, которой нельзя не гордиться.

В самом деле: какую только речь не услышишь в каждом селении нашего края. Повсеместно звучат казахская и русская, белорусская и украинская, характерная экспрессивная речь кавказских народов и мягкая, плавная — прибалтийских; немцы и татары, поляки и корейцы, молдаване и греки,

чуваши и башкиры,— и сколько еще народов имеют на целине своих «полномочных представителей»!

Взять хотя бы такой конкретный пример.

Мы хорошо знаем имена инициаторов вождения автомобильных составов большой грузоподъемности по целинным трассам. И хотя в трудовом соревновании водители — соперники, но объединяет их чувство настоящей дружбы. А ведь если разобраться, то каждый представляет свой народ, свою нацию: шофер из Кокчетова, Герой Социалистического Труда Джамшит Кожантаев — казах; целиноградские водители, депутат Верховного Совета СССР, Герой Социалистического Труда Валентин Щербаков — русский, лауреат Государственной премии СССР Петр Колос — украинец, лауреат Государственной премии Казахской ССР Сергей Балян — армянин; шоферы-новаторы из Караганды, кавалер ордена Ленина Александр Денк — немец, удостоенный ордена Трудового Красного Знамени Николай Мирчев — болгарин. Факт интересный, о многом говорящий.

Многолетняя прочная дружба связывает прославленных мастеров высоких урожаев, Героев Социалистического Труда казаха Нургабула Малгаждарова и украинца Михаила Довжика. Это они, комсомольцы пятидесятых годов, руководя на протяжении многих лет комсомольско-молодежными бригадами, возглавляют традиционное соревнование земледельцев под девизом «Умножим силу гектара!».

Дружба поистине не знает границ. Уже несколько лет прочные отношения связывают бригадира из совхоза «Приозерный» Балкашинского района Целиноградской области Нургабула Малгаждарова с председателем колхоза села Тузи Тержольского района Грузинской ССР Важа Гавтадзе. Познакомились они в Москве, на XXVI съезде КПСС. Важа Гавтадзе с письмом «Твоя и моя целина», опубликованном в печати Грузии и Казахстана, обратился к Нургабулу Малгаждарову, предлагая закрепить дружбу трудовыми делами. Целинный бригадир охотно поддержал грузинского председателя.

В год 60-летия образования СССР, в тот памятный день,

когда бригада Малгаждарова завершала жатву, в совхоз «Приозерный» приехал Важа Гавтадзе.

Встреча была теплой и душевной. Несмотря на сложные погодные условия, небывалую засуху, коллектив, возглавляемый Малгаждаровым, сумел вырастить в 1982 году полноценный урожай и получить с каждого гектара свыше 20 центнеров хлеба. Важа Гавтадзе от души радовался нелегкой победе, одержанной его целинным другом. В свою очередь и председателю грузинского колхоза было о чем рассказать Нургабулу — хозяйство собрало добрый урожай со своих садов и виноградников, справилось со своими обязательствами. Весомы плоды щедрой дружбы!

В одну из хлебоуборок мне довелось познакомиться с кокчетавским земледельцем, известным всей республике бригадиром, Героем Социалистического Труда Турлубеком Абильпеисовым. Его отцу, Абильпеису Мусабаеву, восемьдесят пять лет. В прошлом бедняк-кедей, гнувший спину на баев. Революцию он встретил будучи уже взрослым, с вполне сложившимся отношением к жизни. Дружил с русскими бедняками-переселенцами.

Советская власть принесла в степь новую жизнь. И когда повсюду началась коллективизация, то друг Мусабаева Иван Кузьмич Шилов стал председателем сельхозартели «Заря», а Абильпеис — одним из организаторов колхоза «Жумысшы» («Рабочий»). В этих нелегких буднях крепло в Абильпеисе Мусабаеве чувство дружбы, «чувство семьи единой».

Сыну его Турлубеку в суровые годы войны пришлось наравне с другими подростками работать в колхозе, выращивать хлеб для фронта. Сами жили впроголодь. Редкостью был кусок горячей лепешки. В один из вьюжных зимних дней Абильпеис Мусабаев привел в дом стеснительного светловолосого парнишку лет двенадцати и сказал Турлубеку:

— У него ни отца, ни матери не осталось. Теперь он твой брат, сынок. Зовут его Антон.

Отец достал из кармана невесть каким образом оказавшиеся там два куса сахара, ножом расколол их на четыре

части, по числу детей, а мать Батен положила перед Антоном лепешку. Последнюю в доме...

Много лет паренек жил и воспитывался в этой гостеприимно приютившей его семье. Сроднившись в те далекие годы, Турлубек и Антон избрали один трудовой путь — стали механизаторами. Они и сейчас вместе, в одной бригаде. Казаха Турлубека Абильпеисова и немца Антона Эммануиловича Кариха в совхозе все называют братьями. Случается такое, что в совхозе затрудняются сказать, какой национальности тот или иной труженик, но всегда осведомлены в том, что он за человек, на что способен, каков его конкретный вклад в общее дело. Вот почему наша сплоченная целинная семья подняла таких замечательных людей, как Айтпай Кусаинов, Кан Де Хан, Владимир Дитюк, Кадыралы Дюсембаев, Каролина Егель, Михаил Миршавка, Анна Диде, Сагиля Есенжолова, Елена Мейтина. Они — Герои Социалистического Труда, гордость степного Приишимья.

Еще многие десятилетия назад стала прекрасной и печальной легендой в Кургальджинской степи светлая любовь русской девушки Марии и казахского джигита Дюсена. О своих чувствах Марьям Жагор-кызы, как признательно называли ее казахи, поведала в замечательной песне «Дударай», ставшей в республике символом нежной любви и крепкой дружбы народов. Всю свою жизнь Мария Егоровна Рекина, впоследствии заслуженный деятель искусств Казахской ССР, была верна этому чувству.

Марии и Дюсену не пришлось быть вместе. А в наше время дружба и любовь связаны воедино. Недаром в приишимских степях такое количество многонациональных семей, что этому уже никто не удивляется. В Кургальджинском районе, например, хорошо знают потомков Жексембая Балтабаева. В семье 44 человека. Живут и успешно трудятся в родном совхозе 20 внуков, 6 правнуков знатного аксакала. Среди них представители 11 национальностей — казахи, русские, украинцы, белорусы, татары, корейцы, ингуши, туркмены

и т. д. Все они считают себя членами большой и единой трудовой казахстанской семьи.

Впрочем, практически в любом целинном доме, если не в числе ближайших родственников, то обязательно среди близких, друзей, знакомых встретятся представители многих наций и народностей. Это и есть отражение новой исторической общности советских людей.

...Когда встречаются два односельчанина, они радуются: мы — земляки! Когда встречаются в областном центре два человека из одного района, они говорят: мы — земляки. Когда в столице республики случайно встречаются два человека и в разговоре узнают, что они из одной области, то с удовлетворением заключают: мы — земляки. Когда в Москве, например, происходят встречи депутатов Верховного Совета СССР трактористок Камшат Доненбаевой и Натальи Геллерт, они с гордостью говорят знакомым: мы же землячки, мы ведь из Казахстана! А когда два наших соотечественника-туриста встречаются за рубежом, то они, хотя и видятся впервые в жизни, становятся родными: ведь мы же земляки, мы из Советского Союза, и вовсе не имеет значения, что один из них живет в Норильске, а другой — в Атбасаре. Главное: мы — земляки, мы — родня, мы — советские люди...

Богата наша земля целинная людьми увлеченными, с высокими порывами души. Хлебная степь, наращивая потенциал экономический, увеличивает и свой духовный потенциал. Наше время — это время качественного, глубинного освоения целины, время неиссякающей молодости, горячей энергии сердец на земле щедрой дружбы.

*Владимир Гундарев,
писатель.*

Это наша с тобой биография

Целина — это и судьба комсомольцев 20--30-х годов. В те трудные годы урожай Акмолинских степей доставался кровью и потом.

Родился я 27 февраля 1907 года в степном селе Васильковка Бузулукского уезда Самарской губернии в семье батрака.

Через два года умер отец. Мать, старший брат и сестра постоянно работали в батраках у кулаков, а с семи лет к ним присоединился и я. Летом мы у богатеев пасли свиней, гусей, телят, питались кто чем накормит — это и была плата за наш труд. Скучных заработков матери и сестры на пропитание не хватало и зимой мне приходилось ходить по домам и попрошайничать, собирать куски хлеба, отруби, картошку, — словом, кто что даст.

После революции многие из васильковских, в том числе и наша семья, решили переселиться в Северный Казахстан. До Петропавловска ехали поездом, а дальше — до села Старо-Сухотино Кокчетавского уезда — шли пешком. Там и обосновались. Мать и сестра работали по найму у кулаков. Мы с братом летом пасли скот, а зимой — батрачили. Так продолжалось до свирепого голодного 1921 года, когда мы вынуждены были отправиться на поиски нового места жительства. Во время этих скитаний настал самый страшный день в моей жизни: в Петровском хуторе, около села Канкринки Акмолинского уезда, от голода умерли мать и сестра.

Меня определили в Акмолинский детский приют, откуда через два месяца я с группой ребят сбежал. Максимовка, аул Танкерис, Семеновка, Покровка, Астраханка, аул «Николайчик» за Семеновкой — вот маршрут моих тогдашних «путешествий». Зимой перебивался случайными кусками хлеба, ко-

ротая долгие ночи в голоде и холоде. Где только ни приходилось ночевать — в банях, на сеновалах, в коровниках...

На каждом шагу мне давали понять, что я, батрак, — не ровня хозяину. Если он со своей семьей ел белый пшеничный хлеб, свежий борщ, зажаренных кур или поросят, то я получал ячменный хлеб трехлетней давности, ржавое сало и кислое молоко. Большого я не заслуживал, говорил хозяин. Работал я за кусок хлеба, одевали меня в обноски, рваную, в заплатках шубенку или пиджак, штаны и рубаху давали самотканые.

Несмотря на тяжелые условия жизни, я решил учиться и стал вечерами ходить в школу для неграмотных и малограмотных. В течение зимы научился читать и писать.

В 1925 году, работая у кулака Александра Престенного, я надеялся продолжать учиться дальше, но все зависело от настроения властного хозяина — злого и притом очень скупого. Если настроение у него было хорошее, что случалось очень редко, он разрешал мне бывать в школе, ходить на комсомольские собрания, где часто проводились беседы о заготовке хлеба, о мобилизации средств: кожи, сырья и т. д. Когда хозяин был не в духе, я лишался всего этого. Да еще, если сел за стол, не помолвившись, то к чаю и кусочка сахара не давали. Он придумывал всякое заделье, лишь задержать меня, но, несмотря ни на какие ухищрения хозяина, я ходил в ликбез. Так продолжалось целый год.

Весной 1926 года я вступил в комсомол. Секретарем ячейки был Яков Спиглазов, происходивший из казаков-бедняков, его заместителем — Михаил Гребенников.

Прошло около шести десятилетий с того дня, как я вступил в ряды комсомола, но до сих пор вспоминаю это событие, как одно из самых главных, самых значительных в своей жизни.

Комсомольский билет мне вручили в Зерендинской станции. Представьте себе — шесть комсомольцев на большое село, где орудовали более десятка кулаков и немало так называемых подкулачников... Признаюсь честно: было страшно.

Я сам был человеком зависимым — батрачил у кулака Престенного, открыто выступить против него — значило лишиться куска хлеба. Родных, способных вступить, защитить, у меня не было. И все-таки мысль, что я теперь не просто какой-то там батрак, а член Российского Коммунистического Союза молодежи, придавала мне силы.

Нам предстояло заготовить, то есть изъять у кулаков 500 пудов семенного зерна. Я знал, где прятал хлеб мой хозяин — в большом хорошо оборудованном тайнике под полом конюшни. Там хранилось 170 пудов зерна. Эти запасы мы конфисковали. Конечно, после этого хозяин выбросил меня на улицу, даже не заплатив за проработанный год. Случись подобное в другое время — пропал бы. Но теперь я был не одинок. Комсомольцы помогли мне устроиться в старшую группу детского дома, приобщили к общественной работе.

С незапамятных времен самые плодородные земли, лучшие сенокосы считались собственностью богачей — кулаков. И вот летом 1927 года партия и правительство решили положить конец этой несправедливости, отобрать землю у кулаков, лишить их возможности угнетать бедняков и распределить землю между теми, кто ее обрабатывает — бедняками и середняками. Передел пахотно-сенокосных угодий был подготовкой к коллективизации.

В этой ответственной и сложной работе наши комсомольцы принимали самое активное участие: проводили собрания бедноты и молодежи, разъясняли новые законы о землепользовании. Застрельщиками в этом трудном деле были Я. Спиглазов, И. Красноухов, М. Гребенников и другие.

В 1927 году я был направлен Кокчетавским уком комсомола на учебу в окружную советско-партийную школу II ступени в Петропавловске. Там, в школе, произошло еще одно знаменательное событие в моей жизни — в 1929 году решением Петропавловского горкома партии я был принят кандидатом в члены ВКП(б). Я был назначен уполномоченным по хлебозаготовкам, организовывал работу изб-читален в Александровке, Заборовке, Павловке Кокчетавского района.

Промышленные центры страны испытывали трудности в снабжении хлебом. Кулаки, имевшие запасы зерна, отказывались продавать его государству: прятали в ямах, спекулировали им. Хлебозаготовки проходили под лозунгом «Борьба за хлеб — это борьба за социализм».

Эта борьба приняла всенародный размах в годы освоения целинных и залежных земель. В Акмолинские степи приехали сотни, тысячи комсомольцев, молодежи.

Я радовался тому, что не остался в стороне от важных дел партии. В те годы я работал председателем колхоза имени Калинина Акмолинского района.

Огромные трудовые успехи были достигнуты в колхозе в годы освоения целины. Почти в два раза увеличилась посеваемая площадь под зерновыми. Хозяйство стало сдавать ежегодно до 1 млн. 200 тыс. пудов хлеба. Количество овец выросло до 16 тысяч, поголовье свиней — до 2300, коров — до 2100. Годовой доход хозяйства составлял 16 миллионов рублей. Весомее стал трудодень, который обеспечивался уже полутора килограммами зерна и пятью-восемью рублями денег.

В те же годы колхоз построил своими силами клуб на пятьсот мест, 78 домов, школу в одном из отделений, больницу, механические мастерские на 200 машин, детский сад, два типовых зерносклада, десятки животноводческих помещений и других объектов. Был разбит фруктово-ягодный сад на площади 11 гектаров. Ежегодно мы затрачивали на строительство до 3 миллионов рублей. И во всех этих достижениях есть немалый вклад первоцелинников.

Так сложилась моя судьба, что я всю свою трудовую жизнь опирался в работе на молодежь, был связан с комсомолом делами и помыслами. Уйдя на пенсию, я по-прежнему не мыслю себя вне связи с нашей юной сменой. В одной известной песне есть замечательные слова, которые я принимаю всей душой: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!» Кажется, что это и про меня тоже, про мою судьбу.

Комсомольский билет я и мои товарищи всегда носили

у сердца. Свой билет №8158 я храню до сих пор, как самую дорогую реликвию, и от души благодарен комсомолу за то, что он провел меня по жизни в самые суровые годы, помог выполнить свой долг перед партией и народом.

В. П. Елисеев, кавалер ордена Трудового Красного Знамени, председатель Совета ветеранов комсомола при Целиноградском горкоме ЛКСМ Казахстана.

...По широкому пройду полю

Весна пробуждала степь..

С самого рассвета повозка землемера колесила по нетронутой целине и с каким-то веселым азартом звучало:

— Вбивай. Да поглубже заколачивай столбик, чтобы навсегда граница нового поля была видна.

Степан Ржавский проворно расчищал кружочек от ковыля и вколачивал указатель. Целую неделю они мотались по степи.

— Проба сил социалистического земледелия, красного пахаря,— утверждал землемер...— Эх, вот бы лет через пятьдесят взглянуть бы на эту степь... А ты, Степка, увидишь — золотые горы здесь вырастут.

С каким-то благоговением произносил он для пахарского люди новые диковинные слова «зернотрест», «совхоз», «пятилетка». И угадывали каким-то особым чутьем здешние крестьяне добрые перемены, которые придут за этими словами, что они, эти новые слова и новые времена, одарят их благополучием, радостным трудом, очастливой долей.

Ковыли, ковыли, ковыли... Скольким людям отдали вы свою седину.

Ковыли, ковыли, ковыли... Живая броня столетий. Начало начал.

Древность. Бились долгие годы крестьяне, чтобы обратить степь в поле. Потом да мозолями выхватывали клочки и верхки у ковылей под хлеб. Степан Ржавский один из тех, на долю которого уже не пришлось возиться с крохотными клеточками, чувствовать, как тебя все время подпирает межа. Той памятной весной 29-го года он отмерил своему хозяйству такой кусок пашни, что дух захватывало у всех. Пахать так пахать! Тогдашний Петропавловский зернотрест выделил совхозу им. КазЦИКа шестьдесят тысяч гектаров сельхозугодий. Два десятка тысяч только под пшеницу.

Степана в совхозе нарекли «коммунаром». В отдел кадров машинной мастерской он пришел уж в очень памятный день, 18 марта — в день Парижской коммуны. С тех пор он и провозглашен коммунаром, и за горячую, беспокойную натуру, устремленность, и за верность новому делу. В трудовой книжке Степана Ржавского лишь одна запись: зачислен в штат совхоза имени КазЦИКа 18 марта 1929 года.

Нива с пробивающимися первыми всходами — особая радость пахаря. Опустится он на колени и с какой-то святостью, душевным трепетом прикоснется рукой к нежному стебельку. Степан Ржавский не скрывал своей радости, осматривая поле, которое он несколько недель назад засеивал.

— Посеяно по-стахановски, — похвалил Степана директор. — Быть здесь тучной пшенице.

Пробежал ветерок, и упругие стебельки стали разбрасывать во все стороны солнечные искорки.

Много хлопот и беспокойства было отдано посевной. Но Степан и его друзья не думали о передышке. Подошли травы, и все решили, несмотря на воскресный день, поработать, чтобы припасти для коровок побольше сена. Жара безжалостно выжигала в то лето степь. Надо было спешить. Спозаранку затрещали косилки, зазвенели грабли, заскрипели колеса по-

возок. Вторая пятилетка принесла в совхоз ударное слово — «стахановец». И Степан Ржавский один из первых был удостоен этого почетного имени.

Шумел, гудел, пьянил разнотравьем совхозный покос. И никто не мог подумать в тот горячий страданный день, что где-то далеко-далеко на западе огонь войны уже сжигал города и села. Через несколько дней тревожный набат докатился до совхоза. Степан Ржавский получил повестку о мобилизации. На фронт направился не один, а с трактором «ЧТЗ».

Степан Игнатьевич Ржавский вошел в часть, обслуживающую боевые самолеты, действующие под Орлом. Подвозил своим трактором-тягачом горючее, авиабомбы, продовольствие. Жара. Пыль разбитых незнакомых дорог. Горели и взрывались нефтебазы, подъездные пути. Но Степан Игнатьевич не оставлял своего трактора.

Как-то с воздуха засекли транспорт Степана Ржавского. На обоз посыпался град пуль. Степан затормозил, едва успев соскочить и лечь под трактор. Что-то ухнуло над головой, посыпались осколки металла, мотор заглох. Снаряд попал в цель, разнесло корпус двигателя. В дыре зиял цилиндр, несло, масляной гарью. Вот и получилось, что машина ценой своей жизни спасла Степана Ржавского. Там, под Елецком, и остался совхозный трактор.

Третья пятилетка, прерванная войной, для «КазЦИКа» стала героической. Всю заботу о поле приняли на себя женщины и дети. За военные годы хозяйство дало стране 22300 тонн зерна. И каждый пуд этого хлеба выращен на слезах вдов, нелегкой доле голодных детишек.

К пятидесятилетию совхоза решено было создать комнату трудовой и боевой славы. И главными реликвиями этого волнующего музея стали зерна военного поля и горсть земли, которую пронес через всю войну Степан Игнатьевич Ржавский.

Михаил Гольдберг, журналист, заслуженный работник культуры КазССР

Служение земле

С марта 1954 года тихий Акмолинский вокзал стал необыкновенно многолюдным и оживленным. К его перрону один за одним прибывали эшелоны со всех концов страны — с запада, севера, юга и востока. Привокзальная площадь была запружена грузовиками, тракторными санями с поставленными на них дощатыми будками, множеством подвод, запряженных парами лошадей. Одним словом, на всех распространенных в ту пору видах транспорта прибывали из разных уголков области представители колхозов и совхозов, чтобы встретить на железнодорожном вокзале первоцелинников.

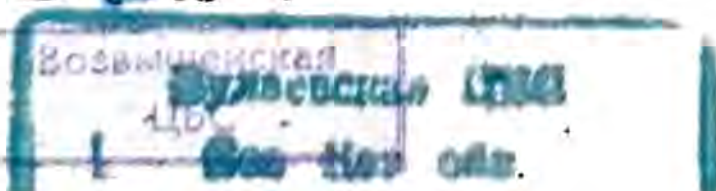
На видном месте со стороны перрона красовалось огромное кумачовое полотнище с надписями на русском и казахском языках: «Добро пожаловать, первоцелинники!» и «Хош келдиниздер, тын игерушилер!».

Как только прибывали составы с новоселами, тут же на перроне или привокзальной площади проводились митинги, нередко в день по пять-шесть митингов. И хотя март был морозным и вьюжным, с пронизывающим северным ветром, однако все неудобства погоды сглаживались теплотой и сердечностью встреч, объятий и улыбок, радушием местного населения и взволнованностью приехавших добровольцев с комсомольскими путевками у сердца. После митингов они прямо с вокзала отправлялись к месту назначения.

Мы, журналисты, во время царившей вокруг суматохи буквально сбивались с ног. По заданию редакций областных газет и радио нам надо было успеть за считанные минуты взять интервью у прибывших целинников, поговорить с ними хотя бы накоротке, сфотографировать, записать на магнитофонную пленку.

20834

17

Да, в те первые целинные годы нелегко приходилось и нам, журналистам. Появляется, к примеру, редактор нашей областной газеты, вышедшей на казахском языке, после совещания в обкоме партии или облисполкоме и, не успев сесть в свое кресло, торопливо дает очередное задание, мол, там-то и там-то организуется новый целинный совхоз. Надо немедленно отправиться туда и непременно написать об этом. Про первоцелинников подробнее!..

Выезжать немедленно в отдаленный целинный совхоз в весеннюю распутицу было совсем непростым делом. Добирались мы кое-как: попутным транспортом, «на перекладных». Доедешь до ближайшего колхоза, чтобы оттуда с оказией добраться до следующего. Но ни председателя, ни его заместителя на месте не застанешь — в степи хлопот полно. Ничего не поделаешь, дальше отправляешься пешком. Иначе нельзя. Надо спешить, надо рассказать читателям газеты о людях нового совхоза.

Я хорошо помню и первую целинную весну, и первый целинный урожай, порадовавший нас своим обилием. В начале августа 1954 года некоторых работников областных учреждений и организаций пригласили к первому секретарю обкома партии Николаю Ивановичу Журину.

— Бюро обкома решило, — объявил он, — за каждым вновь организуемым целинным совхозом закрепить ответственных работников. Я думаю, обязанности уполномоченного вам всем хорошо известны. Надо без потерь и своевременно убрать первый целинный хлеб, выращенный заботливыми руками.

В тот же день редактор нашей газеты дал со своей стороны дополнительные поручения журналистам, отъезжающим уполномоченными:

— Прежде всего вы являетесь газетными работниками. Так что не забывайте про интересы своей газеты, почаще пишите о ходе хлебоуборки, о лучших людях, передовиках... Мы с мандатами обкома партии отправились по районам. Мой путь лежал в далекий Балхашинский район, находивший-

ся за 350 километров к северу от областного центра. Мне постоянно приходилось общаться с первопроходцами целины, передовыми трактористами и комбайнерами. В своих очерках, зарисовках, репортажах я писал о них не только в свою газету, но и в республиканские периодические издания, на радио.

В сентябрьские дни 1956 года из Москвы в Акмолинск приехал работник Всесоюзного радио, известный журналист Аркадий Хоменко. Мы встретились у заведующего отделом пропаганды и агитации обкома партии, который спросил у меня, знаю ли я передового комбайнера из Семеновской МТС Кенжибека Алпысбаева.

— Как же не знать?! Я писал о нем неоднократно.

— Вот и хорошо. А где он сейчас убирает хлеб, вам известно?— продолжал заведующий.

— Да, в колхозе «15 лет Казахстана», на участке Тайтюбе.

— Поезжайте туда с товарищем Хоменко. Он хочет поближе познакомиться с Кенжибеком и взять у него интервью для Московского радио.

На старом газике мы в тот же вечер добрались до пшеничного поля, где на прицепном комбайне вел косовицу и обмолот Алпысбаев. Тогда метод раздельной уборки еще не был распространен и жатва велась прямым комбайнированием.

Мы решили подождать, пока уборочный агрегат сделает круг. Пшеница на массиве была высокая и густая, с тучными, крупными колосьями. Прошло полчаса, пока комбайн сделал круг.

— Отрывать Кенжибека от работы не будем. Поговорим с Алпысбаевым и запишем на пленку в тот момент, когда он будет выгружать зерно из бункера в автомашину,— решил Хоменко.

Так мы и поступили. Как только к остановившемуся комбайну подошел грузовик, и в его кузов полилась из бункера тяжелая золотистая струя пшеницы, мы поднялись на мостик. У штурвала нас встретил высокий и худощавый человек. Его лицо покрыто пылью, а черные приветливые глаза сияли.

— Кенжске, — уважительно обратился я к комбайнеру, — этот человек — журналист Всесоюзного радио. Он приехал в нашу область из Москвы. Хочет поговорить с вами.

— Я всегда рад гостям, хотя тороплюсь. А причины, чтобы торопиться, есть, — засмеялся Алпысбаев и тем же тоном продолжал: — Целинный урожай хочется убрать без потерь и вовремя. Кроме того, в соседнем колхозе «Победа» работает передовой комбайнер из нашей МТС Евстафий Сазонов. Уже четвертый год я с ним соревнуюсь. Отставать от него не хочется...

Хоменко, не теряя времени, начал беседу с Кенжибеком и тот, в частности, сказал, показав вокруг широким жестом руки:

— Это хлебное поле до весны прошлого года еще не существовало, была здесь нетронутая степь. А сейчас с каждого гектара эта освоенная земля дает в среднем по 20 центнеров зерна. Нынче с начала сезона я уже обмолотил хлеба на площади 500 гектаров. Но это еще начало. Каждую осень убираю по полторы-две тысячи гектаров зерновых.

Через два дня по Всесоюзному радио был передан репортаж Аркадия Хоменко с хлебного поля акмолинской целины. Мы слушали деловое выступление передового комбайнера Кенжибека Алпысбаева.

С начала уборочной страды хлебробы и механизаторы целины вели борьбу с потерями, чтобы полностью убрать небывалый урожай. Погода стояла неустойчивая: то шли дожди, то буйствовали сильные ветры. Уже во второй половине сентября прошел мокрый снег. Поэтому партийные, советские, сельскохозяйственные органы стремились повести дело так, чтобы справиться с хлебоуборкой до наступления холодов. Встречаясь с Алпысбаевым, я больше всего интересовался тем, какие методы борьбы с потерями применяет он на жатве.

Вскоре в нашей областной газете появилась статья под названием: «Вкус хлеба», в которой опыту работы комбайнера Алпысбаева была дана положительная оценка.

Я всегда с большим уважением относился к этому очень скромному трудолюбивому человеку, разностороннему специалисту своего хлеборобского дела, умевшему работать на всех марках комбайнов и тракторов, начиная с «Коммунара» и «Фордзона» и кончая «Нивой» и «Кировцем». В первый год освоения целины за самоотверженный труд Кенжибек Алпысбаев был награжден орденом Ленина. Через два года ему было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. Золотой звезды «Серп и Молот» был удостоен и его друг и товарищ по соревнованию Евстафий Сазонов. Их с полным правом называют первыми героями целины, первоцелинниками, хотя они родились и выросли на этой земле. Но тогда началась эпопея освоения новых земель, они не остались в стороне от этого важного дела, а пошли вместе с молодыми новоселами, в первых рядах комсомольцев-добровольцев — сами люди уже пожилого возраста — на штурм непаханных степей с энергией и азартом молодости. Связанные тесными узами дружбы, сын казаха-кочевника и сын русского крестьянина, ставшие прославленными механизаторами, с отеческой заботой относились к молодым целинникам, воспитывая у них чувство любви к земле, которая из пустовавшей превращалась в хлебородную, плодоносную.

К началу подъема целины за плечами Кенжибека Алпысбаева был более, чем двадцатилетний стаж механизаторской работы. Один из первых трактористов Приишимья, молодой джигит Кенжибек привел в аул чудо света — «стального коня». Тогда порадовал он родной аул первой бороздой, проложенной в зеленой степи. С каждой весной этих борозд становилось все больше, и все больше хлеба собирали колхозники со своих полей.

В черные годы Великой Отечественной войны Кенжибеку Алпысбаеву не довелось сражаться на фронте. Его фронтом, где он боролся за победу, был тыл. В ауле остались одни женщины, старики да дети. Днем и ночью находился механизатор в полях. Забот хватало. Особенно трудно было в период хлебоуборки. Старый, изношенный «Коммунар» то и дело вы-

ходил из строя, о запчастях не было и речи, уму непостижимо, как удавалось механизатору латать свой комбайн, однако обмолот продолжался, хлеб Кенжибека Алпысбаева был его помощью фронту, вкладом в победу над врагом.

Сейчас ветерану партии и труда Кенжибеку Алпысбаеву восемь десятков лет. И до семидесяти лет он не покладая рук работал на тракторах и комбайнах в совхозе «Воздвиженский», где прошли его славные годы хлеборобского труда, где родились и выросли его дети.

— Не хотел идти на пенсию. Жалко было оставлять штурвал комбайна. Ведь вся жизнь была связана с техникой, да вот здоровье пошатнулось,— с сожалением говорит старый хлебороб.

Но он по-прежнему не сидит без дела. Сейчас он живет в Шалкарском райспецхозе, где работает главным агрономом его сын Хайрулла. Каждую весну и осень, в период посевной и уборочной, когда хлеборобское сердце испытывает особые чувства к земле, когда ее притяжение особенно неодолимо, Героя Социалистического Труда Кенжибека Алпысбаева можно часто увидеть в полях среди молодых механизаторов. Советы его не назидательны, но точны и конкретны: «Мы в таком случае делали так, мы поступали так-то». И в то же время придирчив к качеству полевых работ, касается ли это глубины заделки семян на весеннем севе или высоты среза стеблей на косовице зерновых. Особенно нетерпим старый земледелец к потерям хлеба, ведь борьба за каждое зернышко для него не абстрактное понятие, а естественное, хозяйское отношение, выработанное всей жизнью.

Кенжибек Алпысбаев не только растил хлеба на родной приишимской земле, в этой степи он воспитал не одно поколение механизаторов, передал свое чувство любви к бескрайним пшеничным просторам и своим сыновьям.

Еще когда Каирбек и Хайрулла учились в совхозной средней школе, они стали настоящими помощниками отца, в тринадцать-четырнадцать лет хорошо освоили технику, умели

управлять трактором и комбайном, участвовали в хлебоуборке.

Сыновья оправдали надежды отца. Отлично освоив профессию механизатора, они, окончив сельскохозяйственный институт, стали хорошими специалистами своего дела. Каирбек работает инженером в совхозе «Воздвиженский», Хайрулла — главным агрономом.

Свою дорогу в жизни избрали дочери старого Кенжибека Нурила и Нагима. Кандидат экономических наук Нурила Алпысбаева преподает в Карагандинском государственном университете, а кандидат филологических наук Нагима Алпысбаева работает старшим преподавателем в Целиноградском педагогическом институте имени Сакена Сейфуллина. Такова наша действительность, таковы преимущества социалистического образа жизни. И все это достигнуто благодаря упорному труду советских людей. Когда Герой Социалистического Труда Кенжибек Алпысбаев приходит на встречу в школу, он с искренним чувством гордости рассказывает подрастающему поколению о первых пятилетках и коллективизации, о тяжелых годах Великой Отечественной войны, о славном времени освоения целины и казахстанских миллиардах пудов хлеба. Это не только незабываемые страницы истории нашей многонациональной Отчизны, но и вехи биографии целинного земледельца Кенжибека Алпысбаева.

— Когда у человека душа не стареет, его всегда тянет к чему-то доброму, к общению с молодежью,— говорит он.

Он прав. И эти слова в первую очередь можно отнести к самому Кенжибеку Алпысбаеву.

А. Набиев, писатель.

На переправе

Провожая и напутствуя будущих директоров новых целинных совхозов, я обратил внимание, что у двери приемной выстроилась группа молодых парней. «Заходите, заходите, ребята, присаживайтесь», — пригласил их. Все сели, а один паренек, продолжая стоять, скороговоркой произнес: «Товарищ председатель, я и девять моих товарищей — все мы трактористы, приехали поднимать целину. Все мы из-под Арзамаса, работали в Гачинской МТС, там же в горкоме комсомола получили комсомольские путевки и вот прямо к вам. В пути решили все организационные вопросы. Меня избрали бригадиром, а тракториста Галкина — моим помощником. Все ребята отличные специалисты, имеют по 2—3 специальности: тракториста, комбайнера, шофера, даже повар свой, тракторист Андрей Черков — бывший армейский повар, отличные обеды готовит. Нам бы, Савелий Кириллович, поскорее получить трактора, да земли целинной побольше».

В моем рабочем кабинете на стене висела районная карта земельного пользования. На огромной территории были заштрихованы участки пашни. Я пригласил Чекалина к карте. Вместе с ним подошли и остальные. Обведя указанные контуры границ районного землепользования, я объяснил, что атбасарские крестьяне за сто лет освоили 104 тысячи гектаров целинных земель, а вот нам с вами придется распахать более 400 тысяч. Ребята переглянулись, как будто взяв под сомнение названную цифру. Я повторил без всяких колебаний утвердительно: «Да, 400 тысяч, и не меньше, и продать государству не 2,5 миллиона пудов хлеба, как это сделали атбасарцы в 1953 году, а продавать, как минимум, 20—25 миллионов пудов зерна ежегодно».

Мы радушно распрощались, я пожелал ребятам хороших успехов в их большом благородном деле.

Бригада Чекалина добралась до места на машине МТС

в тот же день. Короткая встреча с директором МТС П. И. Калашниковым, затем разговор с главным инженером МТС, прием техники, передача ее трактористам. Подготовка бригады к основному штурму, началу подъема целины заняла много времени и принесла немало хлопот. Кроме приема техники, надо было подобрать и оборудовать жилье, а размещаться предстояло в вагончике, получить постельные принадлежности, спецодежду, продукты питания и т. д.

В конце второй декады произошло нечто неожиданное. Весь день по льду Ишима двигались тракторные бригады на левую сторону, а на утро следующего дня Ишим тронулся. Разлив был столь неожиданный и так велик, что даже самые старые аксакалы аула Муїнак не помнили подобного. Как ни старался Петр Иванович Калашников переправить всю технику на левый берег реки, все же этого сделать не смог. Две тракторные бригады из колхоза имени Тельмана, возглавляемые Сочневым и Чекалиным, остались на правом берегу.

В приишимской низменности бурлил ледоход, разлив доходил в отдельных местах до одного и более километров. Вторые сутки 22 трактора стояли без дела на правом берегу. Я, директор МТС Петр Иванович Калашников и шофер райисполкома Михаил Гаврилович Добродум двое суток искали место для переправы.

Подъехали к поселку Ащиккуль, осмотрели местность, которая представляла собой врезанную в Ишим возвышенность, с хорошим подходом к воде, удобным для причала парома. На левой стороне залитого берега виднелся небольшой островок, на который можно было высадить трактора, а затем вброд пройти на сушу. Петр Иванович одобрил выбранное для переправы место, добавил, что он сейчас по радиации распорядится, чтобы к этому месту с левой стороны подошел трактор с буксиром, который через брод с островка всю технику перетянет на левый берег. Приступили к делу. Через час был наведен паром, на который погрузили трактор «ДТ-54». В этом месте было большое течение, к тому же дул хо-

лодный сильный боковой ветер. Восемь молодых парней едва справлялись со стихией.

Первый трактор переправили удачно, на душе стало как-то легче. Я спросил у одного паренька, стоявшего возле меня на пароме, крепко вцепившегося за трос: «Не страшно?» — «Нет, ведь нашим отцам в 1944 году на Днестре не легче было». — «Труднее, конечно, ибо там еще над головой рвались мины и снаряды», — добавил я.

— Товарищ председатель, а какая здесь глубина, примерно 8—10 метров?

— Ого! Слушай, Шестаков, перестань задавать ненужные вопросы, лучше покрепче за трос берись, — сказал Саша Макаров.

— А знаешь, почему Николай задает такие вопросы? Боятся, что утонет и не будет знать на какой глубине.

На пароме оживление, смех.

Паром разгрузили и быстро потянули обратно. На сей раз Владимир Чекалин остался на острове возле шести, уже переправленных, тракторов. Обошел остров с восточной его части и остановился у самого узкого протока воды. Постоял немного, как бы принимая решение, а затем резко махнул рукой и ускоренными шагами пошел к тракторам. Быстро завел один, поспешно разделся, связывая одежду ремнем, и положил узел на кабину трактора. Сел за рычаги и с ходу направился к узкому течению. Дошел до водной преграды, добавил газ и на полном ходу решил форсировать водную преграду. Кто-то на пароме подшучивал: «Володя хочет штурмом взять левый берег». На какое-то мгновение остановилась переправа. Все взоры были обращены на Чекалина. Разбивая гусеницами мелкие льдины, трактор двигался быстро. Но с каждым пройденным метром все глубже погружался в воду. Вот уже спрятались гусеницы, половина радиатора, скрылся под водой капот, хлынула вода в кабину. Через открытую дверку кабины нам было видно, как Володя мертвой хваткой держал рычаги. Он в эту минуту думал только об одном: чтобы не за-

глох двигатель. Мы видим, как Володя вместе с трактором погружается в воду. Вот вода стала закрывать грудь, затем осталась одна голова и вдруг очередная волна накрыла трактор. Смыло водой лежавшую на кабине одежду. Проходят тревожные секунды. Все считали, что если вода попадет в кабину, то Володя оставит трактор, но этого не случилось. Вдруг показалась труба воздухоочистителя, затем показалась выхлопная труба, далее верхушка кабины. Все облегченно вздохнули, когда увидели Володю Чекалина, который уверенно держал рычаги управления.

Трактор несколько сбавил скорость, но уверенно приближался к берегу, который в этом месте оказался слишком крутым, и трактор, не преодолев подъема, заглох и с лязгом гусениц опять скрылся под водой вместе с Чекалиным. Когда Володя шел под воду с работающим двигателем, мы знали, что это было опасно, но все же был проблеск какой-то надежды на то, что трактор пройдет, а вот сейчас, когда у всех на глазах заглох двигатель и «ДТ-54» ушел обратно на дно пролива, выход для спасения жизни у Володи был один: покинуть кабину и всплыть на поверхность ледяной воды. Сделает ли он это? Вдруг метрах в 50 от того места, куда погрузился трактор, быстрым течением выбросило Володю на поверхность. Сильное течение уносило Володю от переправы. На помощь направили лодку, которая подобрала его. Прибыв на остров, Володя не успокоился, решив продолжать переправу. Ему показалось, что если бы он взял правее на пятьдесят метров от прежнего места, он бы прошел. Перебросив хотя бы один трактор на левый берег, тогда можно волоком перетащить все трактора.

Володя торопливо заводит второй «ДТ-54», делает новую попытку, которая тоже закончилась неудачей. Таким образом, на дне уже находились два трактора. Чекалин с трудом добирается к острову и намеревается завести третий трактор. Я кричу с правого берега, что форсирование реки вброд запрещаю. Зная упрямство Чекалина, я торопил ребят быстрее

переправить меня на остров. Подошел к Чекалину, он посинел от холода, весь дрожал. Тем не менее, попросил дать разрешение на третью попытку. Я ответил, мол, достаточно того, что два трактора остались под водой.

Посмотрел я на Чекалина, вижу, парень буквально в лице переменялся, сам на себя не похож. Подошел Галкин, подал Володе одежду. Но Чекалин отбросил ее в сторону, закричал на трактористов: «Вы что, на курорт сюда приехали? А ну, раздевайтесь и идите в воду искать брод!» Через несколько минут восемь парней были в воде, и один из них, Марченко, в одном месте перешел вброд с поднятыми руками над головой. Владимир Чекалин, не медля ни одной минуты, завел третий трактор и пошел с полного хода по этому месту. Трактор благополучно прошел, даже чуть-чуть видна была крыша кабины.

Левый берег был достигнут. Не передать, какой восторг овладел механизаторами. Полетели в воздух шапки, и громкое «ура!» разносилось по всей степи. Затем на остров были доставлены пятнадцать тракторов и некоторый инвентарь. Солнце спряталось за горизонт, наступили сумерки, переправлять технику ночью было опасно, да и люди очень устали, нужно было ребят обогреть, накормить и дать время на отдых. Я подозвал к себе бригадиров Чекалина и Сочнева, с которыми договорились переправу прекратить до шести часов утра. В селе Ащиккуль механизаторов ждал хороший ужин и теплое жилье.

Ночью я должен был быть в Атбасаре, где следовало принять и распределить новый эшелон прибывших целинников. Уезжая из Ащиккуля, я договорился с Чекалиным до моего приезда, то есть до шести часов утра, переправу не возобновлять, пусть люди отдохнут. Получив такое согласие, я уехал в Атбасар.

Поезд по расписанию должен был прибыть на станцию в 23 часа, но по неизвестной причине опоздал более чем на 3 часа. Прием, распределение и отправка людей у нас заняла свыше двух часов. Посмотрел на циферблат: четыре часа

утра. ехать на отдых домой было уже поздно, надо было торопиться в Ащиккуль, на место переправы. Приехав туда, мы ужаснулись, так как ни на правом, ни на левом берегах ни техники, ни людей не было. Я спросил Михаила Гавриловича, может, мы попали не на то место, он с обидой отозвался: «У меня так не бывает». Делать нечего, поехали мы в поселок Ащиккуль, чтобы узнать, что же произошло. Спрашиваем пожилую хозяйку, мол, пожалуйста, расскажите нам, куда подевались две бригады?

— Товарищ председатель, сколько я живу на свете, не видела таких людей. Как вы уехали, я стала кормить ребят. Все так хорошо ели, видать, здорово проголодались и вот этот самый худенький мальчишка, Володей его звать, не дал даже чай допить, велел всем одеваться и немедленно на переправу. Я ему говорю, сыночек, пусть ребята пару часов поспят, а затем пойдете. А он, знаете, что мне сказал: «Бабушка, представьте себе, войска с боями прошли до Днепра, впереди в пламени горит Киев, а бойцы легли бы спать. Бабуся, так не положено. Пошли, ребята!» — и все до одного ушли. Мне-то их жалко стало, думаю, как они там, бедняги, ночью. Я пошла посмотреть и думала, может, чем-либо помогу, ночью всякое бывает. Батюшки мои, что я там увидела! Они все как муравьи. Одни на пароме оставшиеся трактора переправляют, другие тащат на себе инвентарь, одежду, продукты, а вот этот самый Володя разделся донага и ныряет в воду, пытается надеть буксир на утонувшие трактора, и так раз по десять. К утру один из них сказал: «Бабушка, мы едем на Кайнары, поднимать целину».

Мы с Михаилом Гавриловичем Добродумом стояли на обрывистом берегу Ишима, всматриваясь в глубокую колею, только что пробитую гусеницами тракторов.

В этот день в Атбасарский райисполком на мое имя пришла радиограмма следующего содержания: «До места доехали благополучно, приступили к подъему целины. От всей бригады большое вам спасибо за все доброе, сделанное для нас. В. Чекалин».

Владимир Андреевич Чекалин женился впоследствии на девушке из Атбасара, у них четыре сына, все они стали специалистами сельского хозяйства. Сам Владимир Андреевич живет в селе Новоалександровке Мариновского района, по-прежнему работает механизатором.

С. К. Галуцак, бывший председатель Атбасарского райисполкома, Герой Социалистического Труда.

Без обратного билета

Далекие звезды

Приказ № 2
по Бауманскому зерносовхозу
1 мая 1954 г.

Поступивших по направлению Атбасарского треста совхозов для укомплектования Бауманского зерносовхоза рабочих и служащих назначаю:

1. Миршавка М. В.— прицепщиком.
 2. Габриэль Я. В.— электросварщиком.
- ... (Всего свыше 200 человек)

Директор совхоза А. Денисов.

...Только что отшумел первомайский митинг. Были речи, короткие, как клятва, с обещанием покорить степь. Теперь собрались все у директорской палатки, возле которой уже поставили грубо сколоченный стол.

— Товарищи!— напрягая голос, произнес директор.— Вчера я подписал первый приказ о своем вступлении в долж-

левый рычаг — агрегат резко отворачивает, а за ним — изви-
листая борозда. Но вскоре уяснил, что не резкость нужна,
а плавность. И пошло, поехало... Как только видел, что при-
томился тракторист, сразу же предлагал подменить его.

Однажды в бригаду заглянул А. Денисов. Прошедший
месяц или два сильно изменили внешность директора. Он осу-
нул, и даже палящее солнце не смогло убрать с его лица
проступающую бледность: превозмогая все боли, человек
оставался на своем посту. Таким и запомнился перводелни-
никам организатор совхоза «Бауманский».

— Тут такое дело, товарищи, — заговорил директор, когда
собрались механизаторы. — Мы не справляемся с планом,
хотя претензий у меня к вам нет — каждый выполняет нор-
му. У нас не хватает трактористов, поэтому машины стоят.
Мы сорвем задание партии, если не включим их в работу.
Приехал посоветоваться с вами, как найти выход.

— Может, прицепщиков для второй смены использо-
вать? — подал голос бригадир. — Правда, ни у кого из них
нет прав.

— А найдутся умелые? — оживился директор. — Что нет
прав — не беда, потом их получают, за зиму выучатся. Была
бы голова на плечах.

— Зачем искать? Вот Михаил, например, как заправский
механизатор, водит трактор.

Похвала бригадира смутила юношу. Все, что угодно,
ожидал он, только не такого поворота в судьбе. Самостоя-
тельно сесть на трактор — какая это радость и гордость!

До «белых мух» поднимали целину. Когда уж мороз по-
настоящему сковал, приехали всей бригадой на центральную
усадьбу. За лето она преобразилась. Меньше стало палаток,
зато появилось несколько сборных домов. В один из них, еще
недостроенный, поселились всей бригадой. Непроконопачен-
ные стены тепла не держали, поэтому дом не отапливали.
Впрочем, в голой степи неоткуда было взять хотя бы одну
чурку. Спали по двое на кровати, не раздеваясь, в шапках.

ность. Сегодня, в торжественный день, будем комплектовать весь штат совхоза. С кого начнем?

Директор окинул взглядом парней. Все ладные: одни в солдатской форме без погон, другие в легких пальто, в осенних куртках. Задорные — таким море по колено. Внимание привлек долговязый мальчишка, стоявший поближе других к столу, с очень серьезным видом.

— С тебя и начнем,— придвигая книгу приказов, сказал директор.— Ты самый молодой — внукам и правнукам будешь рассказывать, как закладывали совхоз. Фамилия?

— Миршавка,— смущенно произнес тот.— Михаил.— Потом добавил:— Васильевич.

— Отлично,— одобрил директор.— Вчерашний школьник?

— Почему же? Паркетчик я. В Ворошиловграде полы настилал.

— Еще лучше. Пока в палатках не требуется паркет — будешь прицепщиком, а профессию не забывай — потом пригодится.

Нынешние молодые трактористы разве в старых учебниках видели прицепной плуг, а потому и не знают даже про отжившую специальность. Кому сейчас за сорок и кто вырос на селе, вряд ли тот не работал прицепщиком. Изнурительное это дело. Сидя целыми днями или ночами в железном «кресле», крути баранку то влево, то вправо, опуская или поднимая корпуса, глотай пыль, взбитую трактором или очищай от налипшей грязи. И только в пересмену малость развлечешься: смахнешь пыль с трактора, поможешь заправить его топливом.

Сидишь в «кресле», а самому хочется перебраться в кабину, повести агрегат по ровному, без конца и края, полю. Недели через две Михаил осмелел, попросил тракториста дать проехаться на тракторе.

— Захотелось?— ободрил тот.— Это мужское дело.— Объяснил, что к чему.

На первой сотне метров трактор показал свой нрав — так и тянулся в борозду, словно конь за травой. Рывок за

— На все плюну, уеду,— бубнил сосед по вечерам.— Вон уж сколько разъехалось, и с меня хватит.

— Чудак-человек,— урезонивал его Михаил.— Это же так полезно — спать на морозе. Да и романтично. Когда-нибудь эти годы станут для нас такими же далекими, как вон те звезды. А я на обратный билет не коплю. Думаю, он мне не потребуется...

«Прививки»

На одном из совещаний Михаил Васильевич в перерыве подошел к первому секретарю райкома партии А. Брауну. В голове уже сложились первые фразы горячей просьбы, но сомнение, не сочтет ли и он это блажью, в нужный момент словно склеило рот. Поздоровался и — застеснялся. Но тот почувствовал, что не зря подошел к нему Миршавка.

— Что-то хочешь спросить? — задал вопрос.

— Просьба есть, Андрей Георгиевич,— обрадовался механизатор начатому разговору.— Ко всем уже обращался с ней.

— Насчет запчастей, или семейное? Выкладывай.

— Пожалуй, семейное. Хочу в бригаду Акуленко перейти.

— Что за причина? У тебя же хорошие отношения со своим бригадиром.

— Не отрицаю, но хочу нынче убирать хлеб на тех землях, которые четверть века назад поднимал. В юбилей целины собрался рекорд поставить.

— Такой вопрос можно было решить в совхозе.

— Обращался, никто понять не хочет.

— Ну, хорошо, сам попрошу директора.

Пока шли переговоры секретаря райкома партии с директором совхоза, жатва набрала темпы. Кое-кто из комбайнеров в бригаде В. Акуленко намолотил к тому времени завести тонн. Как их догнать? Ведь не затем отрывал занятых людей, чтобы остаться позади всех. Да, к тому же, обещал секретарю райкома личный рекорд поставить. Может,

испытать новинку, как это делают в опытно-производственном хозяйстве в Шортандах? Областная газета о ней хорошо отзывалась, даже расчеты приводила, насколько повышается выработка комбайна, если сгружать зерно не в автомобиль, а в тракторную тележку. Э-э, где наша не пропадала!

За ужином один из насмешников подтрунивал:

— Чудит Миршавка. От машины отказался, сам зерно возит на ток. За тракториста, что ли, хочет деньги получить. Да я, пока он в дороге, пять тонн намолочу.

— Не говори гоп, пока не перепрыгнул, — остановил того бригадир. — Через три дня посмотрим.

Василий Иванович, с которым по-соседски поделился своей задумкой Михаил Васильевич, сам внимательно следил за его работой. И увидел: без остановок тот работает, ждет, когда подойдет грузовик, а наполнится бункер — сыплет зерно в тележку.

После ужина многие легли спать. Только Миршавка отправился к комбайну. «Пойду клинышек добыю», — сказал бригадиру.

Утром проснувшийся первым Акуленко увидел Михаила Васильевича уже на ногах. Тот утыкал брезентом кузов тракторной тележки.

— Ну как? — не удержался от вопроса.

— Десять рейсов сделал.

— Миша, так это же девяносто тонн!

— Ошибаешься, Вася: чуть более ста.

— Сегодня же все звенья переведем на твой метод.

— погоди, не торопись. Пусть все убедятся в нем, а то са знаешь, как больны «прививки», если их делают «сверху».

Бригадиру не требовалось пояснений. Не только он, бывший в хозяйство с Брянщины двумя годами позже Михаила, но и другие хорошо запомнили один случай, происшедший с Миршавкой более двадцати лет назад. Именно после него всякое новшество, даже самое полезное, но насаждаемое грубо, стали называть «прививками». А произошло во что.

На жатву в совхоз почему-то прислали уполномоченным майора из самой столицы республики. Видимо, он имел четкие инструкции относительно раздельной уборки: внедрять — и никаких гвоздей. Причем на всей площади, хотя не хватало техники, а механизаторы были без опыта. Да и сам майор вряд ли что смыслил в сельском хозяйстве, а тем более в столь узком вопросе. Короче говоря, дело не заладилось, хлеба переставали и вот-вот должны были начать осыпаться.

На свой страх и риск Михаил за одну ночь переоборудовал жатку на прямое комбайнирование, хотя по норме требовалось не менее двух суток. А утром вышел на уборку. День прошел спокойно. Кое-кто, увидев, что все обошлось, тоже ночью переоборудовали свои комбайны. Уполномоченный, находясь на току, заподозрил «неладное» — еще два дня назад из бригады зерно почти не поступало, а тут хлынуло потоком. Он сразу выехал в поле и через пять минут выявил «зачинщика».

— Немедленно прекратить безобразие! — закричал на комбайнера. — Разве не знаешь установок?

— Не прекращу, — твердо ответил Михаил. — Вам что важнее: хлеб на току или установка?

— Молокосос! Ты еще рассуждаешь! Если к вечеру не переоборудуешь комбайн — под суд отдам.

С этой угрозой майор уехал из бригады. А «молокосос», награжденный к тому времени медалью «За освоение целинных земель» и бесплатной путевкой на ВДНХ страны, и не подумал останавливаться.

Угроза не подействовала и до суда дело не дошло. Уборка запаздывала, а тут еще погода испортилась. Во всей округе уже не обращали внимания на методы: хлеб требовалось убрать и перевезти на тока. Седьмая бригада, где несколько агрегатов работали напрямую, первой в совхозе справилась с жатвой, даже другим помогла. И все-таки много хлеба в районе ушло под снег.

Вот и на этот раз больше всего опасался Михаил Васильевич, как бы не вышло подобной «прививки». Поэтому не

советовал другу торопиться. А результаты на «Экране соревнования» росли по сто тонн и более в сутки. На пятый день работы Миршавка обогнал самого лучшего комбайнера. Вечером тот самый механизатор, что говорил о чудачествах, обратился к бригадиру:

— Василий Иванович, а ведь Миршавка дело придумал. Завтра тоже ставлю тележку на загонку.

— И я, и я... — раздались голоса.

— Так дело не пойдет, — возразил бригадир. — Если каждый со своей тележкой будет работать, то эффекта не получится. Мы выделим одного тракториста с «Кировцем» на звено. Он, по моим расчетам, всем обеспечит бесперебойную работу.

От каждого в бригаде требовалось строжайшее выполнение агротехнических приемов. Повели разговор о том на собрании партгруппы. Первое слово, конечно, бригадиру: он задачу ставит. Второе — партгруппоргу.

— Ребята, сами видите, что природа творит, — сказал Михаил Васильевич. — Если на совесть потрудимся — будем с урожаем.

Сговорились: главным контролером будет совесть, выполнять задания только на отлично. И все-таки один «отличился».

— Это ты за седьмым столбом культивировал? — обратился Миршавка за обедом к ничего не подозревавшему механизатору.

Подсчитали, кто у какого работал. Вышло правильно — тот.

— Ну, допустим, я, — ответил виновный. — Что же из этого?

— Если хлеб на делянке уродится, то в уборку на комбайне «прокачу». Тогда узнаешь кое-что.

Мало кто засмеялся над бракоделом. Наоборот, опустили головы к тарелкам, когда тот начал искать сочувствие у товарищей. Поняв, что их суд самый суровый — могли попросить из бригады, после обеда отправился исправлять брак.

Несколькими днями позже, когда партгруппорг сделал замечание еще кому-то, тот механизатор обратился к нему:

— Ты словно носом чувствуешь, кто где работает.

— Не носом, а по «почерку» узнаю,— ответил Миршавка.

Ответил в шутку, но, пожалуй, так оно и есть. Из десятка следов, пройденных сеялкой, он может различить мастера и новичка. Маститого тракториста — потому что, или учил его, или вместе «пуд соли съели». А новенького — по тому, что всякий раз приходится приглядываться, каким тот станет через год — другой. Так учитель по почерку узнает своих питомцев. След в поле — тот же почерк.

В год юбилейной жатвы Михаил Васильевич поставил-таки свой рекорд, намолотив за сутки 160 тонн зерна. Более половины сезонной нормы! Работал, не разгибаясь, около двадцати часов. Агрегат останавливал лишь для заправки горючим да разгрузки бункера. С победой поздравить его приехал секретарь райкома.

— Верил, что не подведешь — сказал он, пожимая руку.

— По-иному не умею, да и не хочу,— ответил Миршавка.

...В день открытия XXVI съезда КПСС газеты опубликовали Указ Президума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда группе хлеборобов Казахстана. Среди других имен значится и Михаил Васильевич Миршавка. Почти двадцать семь лет разделяют два документа: приказ о назначении его прицепщиком и указ о присвоении звания Героя. Двадцать семь лет самоотверженного труда, борьбы за новое, становление характера — прямого и бескомпромиссного.

Евгений Зайцев, журналист.

По комсомольской путевке

Теперь, оглядываясь назад, когда за плечами добрые три десятка лет работы на Приишимье, убеждаюсь, что наша молодость была права в своей вере и убежденности в реальность намеченных партией планов по освоению целинных и залежных земель.

Март, апрель 1954 года. В аудиториях Тимирязевской академии взволнованно обсуждается Постановление февральско-мартовского Пленума ЦК КПСС об освоении целинных и залежных земель, проходят бурные комсомольские собрания.

Май, июнь — время защиты дипломных работ и распределения. Эти месяцы пролетели необыкновенно быстро. И вот наступил памятный день, когда в Большом Кремлевском дворце состоялось собрание выпускников сельскохозяйственных учебных заведений города Москвы.

С присущей молодости энтузиазмом и романтикой 250 выпускников Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева приняли решение отправиться на работу в районы освоение целины. От имени студентов академии было доверено выступить мне. До сих пор чувствую то волнение, которое охватило меня. С гордостью заверила, что мы, молодые специалисты, хорошо понимаем, как нужны наши знания и силы, там, где развернулась грандиозная битва за хлеб, где идет освоение тысячелетней целины. Впереди дальняя дорога из столицы до казахстанских степей, пассажирский поезд Москва — Караганда. Мы, выпускники, заняли почти весь вагон, в котором шумно и весело. Дружно пели, спорили, строили смелые планы, с любопытством всматривались в степные просторы, открывшиеся взгляду после того, как миновали легендарный пограничный столб между Европой и Азией. Вскоре начались расставания: в Челябинске сошли с поезда человек пятнадцать — двадцать, получившие направления в Кустанай-

скую область, затем мы простились с курганцами, «северянами», кокчетавцами. В Акмолинск с нашего факультета тогда приехало трое.

В областном управлении сельского хозяйства нас тепло и внимательно принял главный агроном П. Я. Зязин. Он коротко рассказал об особенностях области, где нам предстояло работать. Меня, как специалиста-семеновода, назначили участковым агрономом Еркеншиликского районного семеноводческого хозяйства. В то время это было крупное хозяйство, и сейчас оно является одним из самых экономически крепких в Ерментауском районе. Но, конечно, условия, в которых приходилось работать тогда, не идут ни в какое сравнение с нынешними. Самым популярным и безотказным видом транспорта был гужевой: на лошадях добирались из центральной усадьбы и в бригаду Кыз-Кудук, что в 35 километрах, и в бригаду Орнек — 30 километров, и в Байбек — 40 километров. А надо было еще побывать у каждого комбайна, косившего хлеб, и у каждого трактора, ведущего вспашку зяби.

Вспоминаю такой, рядовой для тех лет, эпизод. На одном из отдаленных отгонных участков на расстоянии 150 километров от центральной усадьбы хозяйства колхозники распахали более 5000 гектаров целины и залежей, и для этой площади осенью вывезли на место и засыпали в большом бурте семена твердой пшеницы «Горденформе-189», укрыв их соломой. Осень выдалась дождливой, и семена оказались повышенной влажности. Поскольку это грозило возникновением очагов согревания, требовалось систематически контролировать состояние семян. Вот и приходилось мне регулярно наведываться к отдаленному бурту, в любую погоду. Так, в одну из очередных поездок пришлось добираться в кузове открытой машины, так как в кабине ехала женщина с ребенком. И хотя меня крепко выручили тулуп и валенки, но замерзла я основательно, отогрелась еле-еле — ведь мороз выдался нешуточный — тридцатиградусный.

В те годы приходилось буквально на ощупь браться за решение кардинальных вопросов агротехники, ведь многое

было тогда еще не ясно, как же вести полеводство в экстремальных условиях целины. Я знала, что зимой 1953 — 54 годов почетный академик ВАСХНИЛ Т. С. Мальцев рассказывал на кафедре земледелия нашей академии о своих многолетних опытах по безотвальной обработке почвы, но в то время наши ученые-аграрники приняли его выводы, мягко говоря, не восторженно. До признания Мальцевской правоты было еще далеко.

А пока новые идеи мучительно пробивали себе дорогу, целину распахивали, конечно, по классической традиционной схеме: плугами с отвалами и предплужниками в агрегате с боронами. Но не мудрено распахать землю, а вот как сохранить ее чистоту? Это был вопрос номер один. Или проблема сроков сева — через сколько ошибок пришлось нами пройти! Вдруг в 1956, 1957 и последующие годы поля заполонил овсюг. Почему? Выяснилось, что зерновые мы начинали сеять очень рано, еще до того, как прорастут основные сорняки, и поэтому посевы оказывались сильно засоренными.

Прошли годы бесконечных поисков, проб и даже ошибок, чтобы определить оптимальные сроки сева основной на целине культуры — пшеницы. И это удалось сделать не только благодаря самоотверженному многолетнему труду ученых, но и производственников. Цена этого знания необыкновенно высока!

Весной 1955 года я была переведена из Еркеншилика в опытно-семеноводческое хозяйство имени Калинина — ныне это совхоз «40 лет Казахстана» Целиноградского района.

Сев уже был в полном разгаре, и знакомиться с новым хозяйством пришлось сразу, с головой уйдя в неотложные дела. Специально выделенная в хозяйстве семеноводческая бригада готовила для сдачи государству до 5000 центнеров семян «элиты» и первой репродукции. Преобладали сорта яровой пшеницы — «Акмолинка-1», «Мильтурум-321», «Шортандинка», твердой пшеницы — «Горденформе-10», «Акмолинка-5», ячменя — «Европеум-353/133», овса — «Золотой дождь», проса — «Долинское-31».

В течение всей посевной, которая продолжалась около месяца, мы жили в тракторно-полеводческой бригаде. Приходилось работать по 16 и более часов в сутки.

Костяк бригады составляли в то время уже опытные, несмотря на свою молодость, трактористы, имевшие стаж работы от пяти и более лет. Один из них — Рихард Иванович Таах — шутник, постоянно подтрунивавший по поводу моих семеноводческих терминов «крупная фракция семян», «общая фракция» и «суперэлита», «элита» и т. д., за эти годы вырос до руководителя центрального отделения хозяйства. С добрым чувством хочу назвать имена трактористов А. Штеле, А. Горста, И. Х. Леберта, бригадиров Я. Г. Биттера, Т. Ф. Краузе, целые династии механизаторов Ромбахов, Мут, Прицкау, которые вынесли на своих плечах все тяготы первых целинных лет. Весь коллектив элитно-семеноводческой бригады понимал, что от него зависит многое, и старался добиваться строжайшего соблюдения агротехнических требований.

В связи с тем, что первичное семеноводство зерновых культур сосредоточилось во Всесоюзном институте зернового хозяйства (Шортанды), я в 1960 году переехала туда работать в отдел семеноводства.

Вместе с количественными показателями производство предъявило селекционерам требования улучшить сортовые качества зерновых культур, и в том числе главной культуры целины — пшеницы.

В 1959 году начали внедрять сорта яровой пшеницы Саратовской селекции «Лютесценс-758» и «Саратовская-29», и с 1960 года в Шортандах было начато первичное семеноводство сорта «Саратовская-29», который имел более высокие хлебопекарные качества и урожайность, чем другие сорта мягкой яровой пшеницы.

Возросшие объемы производства семян потребовали новых, более производительных методов получения исходного материала для сортообновления. Нами были проверены разные методы: подзимний посев, рекомендованный в то время метод внутрисортного скрещивания, индивидуальный и мас-

совые отборы и другие. Как показала практика, лучшими и более производительными оказались последние, которые были положены в основу первичного семеноводства.

Сегодня на смену «Саратовской-29» приходят новые сорта пшеницы, они проходят проверку на производственных полях совхозов. Но пока не будем забегать вперед: лучшие из них будет рекомендовать жизнь, практика.

Приехав на целину по комсомольской путевке, я нашла в этом краю себя, навсегда определив свое место среди целинников, среди тех, кто и сегодня продолжает дело первопроходцев, дело дальнейшего преобразования казахстанских степей.

К. С. Камфорина, заместитель председателя Целиноградского райисполкома.

Хлеб на всю жизнь

Приходилось ли вам летать над полями в августе, в канун уборки на целине, с севера на юг Казахстана? Лететь на маленьком самолете, на небольшой высоте? Крылатая тень долго скользит по земле. Сначала по зеленой еще ниве Пришимья, пересекает канал Иртыш — Караганда и дальше, дальше — скользит над Балхашом, над алма-атинскими садами на горных склонах...

А в Семиречье поля желты, словно их обожгло, припало солнцем. Сверху хорошо видна путаница автомобильных следов на стерне....

Но жатва на юге — это только начало.

Главное поле республики — это ее север, то, что принято называть целиной. И когда на юге уборка близится к концу,

на севере она только разворачивается. Даже трудно представить, сколь громадна армия тех, кто убирает здесь урожай. Каждый год именно здесь, на севере, с началом жатвы разворачивается настоящая битва за хлеб. Люди не жалеют себя, не жалеют машин, не жалеют времени, лишь бы до дождей, которые всегда выпадают не ко времени, до снегов и морозов, которые нередко накрывают пшеницу, лишь бы вовремя собрать хлеб.

Но хлеб не с жатвы начинается... И я хочу рассказать о человеке, для которого вся жизнь была непрерывной страдой. Его зовут Николаем Васильевичем Карпухиным. Он бригадир совхоза «Ижевский» под Целиноградом, совхозом его называют по старой привычке. Ныне хозяйство именуется Вишневым производственным объединением по птицеводству, но его зерновое поле по-прежнему огромно.

I

Хлеб этого человека рос нелегко... Николай Карпухин приехал по комсомольской путевке в Казахстан осваивать целину. Он был молод, и ему был по душе тот размах, с каким начиналось дело. Сельскую работу он знал с детства, когда мальчишкой работал на жатве, а потом и на комбайне приходилось молотить. А когда появился призыв: «Даешь целину!», родилось в нем убеждение, что без него ни степь не вспашут, ни хлеб не сожнут...

5 марта 1954 года первый эшелон добровольцев прибыл на целинные земли. А в апреле приехал сюда и Николай Карпухин. Он и думать не думал, что через два года получит Золотую Звезду Героя. Там, под Туапсе, оставил он жену и дочь — был уговор, что уедет он один, а уж когда устроится, жена Александра Григорьевна с дочерью приедут к нему. А какое там «устроился?»

Александра Григорьевна не представляла ни казахских степей, ни морозов с буранами и вообще, что может быть где-то жилье без зелени вокруг, без гор на горизонте... При-

ехала с дочерью, а тут и жить-то, по сути, негде, до самого горизонта — ни деревца, а вода — драгоценность. Вспомни, что дома до моря двести метров, — и стало не по себе. дали «индивидуальную» палатку, и в этой палатке она каждую ночь плакала, поправляя одеяло на дочери — старшая дочь их постоянно болела — и старалась не разбудить мужа, которому вставать, едва забрезжит, и пахать до темноты.

Но время шло, и наступил 1956 год. Если прежде Казахстан, Сибирь и Урал сдавали около 600 миллионов пудов зерна, то в 56-м — более двух миллиардов, причем в Казахстане заготовки возросли в семь раз! В этих миллиардах были и холодная палатка, и больная дочь, и слезы жены, однако, странно — я перелистал подшивки старых газет и ни словечка не нашел о Карпухине. Других имен много: комбайнер Красноухов Василий Тимофеевич, тракторист Абладжв Ахметов, штурвальные Александр Викулов и Семен Гейст, Мария Загурская. А Карпухин не упомянут ни разу.

А 15 января 1957 года появился указ о его награждении. Такие, значит, парадоксы популярности. Наконец спустя пять дней акмолинская газета, переполненная очерками и статьями о героях и орденоносцах, словно стыдясь, что забыла одного из них, печатает небольшую фотографию и крохотную заметку об этом худющем, длинном парне в сером пальто: «Там, где один может делать норму, он дает две-три. Н. Карпухин — самый молодой Герой в нашей области, ему всего 28 лет».

...Он работал неподалеку от поселка на снегозадержании. Работа была несложной, но снега было много, трактор двигался с натугой, и Карпухин все время оглядывался: не сломался ли снегопах? Так оглянулся он однажды и увидел, что по тракторной полосе идет за ним Николай Тарасенко, парень, с которым они вместе когда-то приехали из Краснодарского края. Первая мысль — что-то случилось с женой или дочкой.

— Тебя срочно в контору требуют, — загадочно сказал Тарасенко, — а мне велели тебя подменить. — Если б что случилось, Тарасенко сказал бы напрямую, тут скрывать нечего,

однако, он больше ничего не добавил. А в конторе его действительно ждали. Кто-то протянул газету: «Читай!» Карпухин прочел, и до него не сразу дошло, что речь идет именно о нем, что это он стал Героем: «А дальше что? Возвращаться на работу?»

— Какое на работу! — ответил радостно директор. — В Алма-Ату надо ехать.

А ему казалось, что разговор не о нем, а каком-то другом Карпухине, что вышла неувязка и через некоторое время все разъяснится и ни в какую Алма-Ату он не поедет. И только когда на сцене Театра оперы и балета имени Абая Климент Ефремович Ворошилов прикрепил к пиджаку орден Ленина и звезду, и пожал руку, и он вблизи увидел человека, имя которого знал с детства, — только тогда он ощутил в душе праздник, после стольких дней непрерывного напряжения и труда.

II

Мы знакомы с Карпухиным давно, больше двадцати лет, а бывал я у него последний раз весной, когда в совхозах шел сев.

День был солнечный, но ветреный. Карпухин стоял возле домиков полевого стана и вроде как безучастно строгал щепку. Над крышей столовой вился дымок — уже два дня кухня работала вовсю. Только вот сеялки стояли по обочинам полей, в соседних хозяйствах уже сеяли, а Карпухин не начинал. Карпухин выжидал.

Так почему же все-таки медлил бригадир?

Мне кажется, спроси у него об этом, пожалуй, он и не ответил бы. Вроде вчера в штабе было решено, что сегодня с утра он выведет в поле все трактора. Но интуитивно он чувствовал, что рано еще разворачивать работу. Наверное, у каждого знающего хлебороба есть это шестое чувство, определяющее то самое — «пора» — «не пора», и это не мистика. Многолетний опыт позволяет учитывать погоду, температуру

земли и воздуха, цвет неба и облаков, поведение растений, направление и силу ветра и еще многое, многое другое. Опытный земледец об этом не думает, но невольно ищет сочетаний, соответствующих именно сегодняшнему дню. Сложные, причудливые построения остаются «за кадром», он и сам в них себе отчета не дает, и точный вывод рождается подчас как предчувствие, как интуитивная догадка.

Нет сомнений в такой интуиции. Удивительнее другое: то, что человек нередко не верит самому себе. Больше того — я знаю, что не стоит чего-то делать, а делает. Ему говорят: «Надо, надо, пора», и он не в силах противостоять этим «надо», «пора», хотя и знает, что потом сам себя будет ругать почему зря... да, уж не вернешь ничего...

За полчаса до обеда на полевой стан прикатил директор хозяйства Жангуразов. Карпухин подошел к машине, они поздоровались, хотя уже виделись сегодня, и директор сказал: «Ну что, Николай Васильевич, на выдержку берешь? Смотри, как бы не промахнуться. Я на тебя надеюсь». И уехал, сославшись, что его в конторе ждет комиссия из области.

После обеда директор снова объявился, и снова они поздоровались, словно давно не виделись.

— Я не хочу вмешиваться в твои дела, — сказал директор Карпухину, — нас никто не торопит. Но пойми, если соседи сеют вовсю, то наше выжидание производит странное впечатление. Что ты ответишь на это?

— Что-то мне ветер не нравится, — ответил бригадир.

— Что еще тебе не нравится? Ты можешь объяснить?

...А ночью пошел дождь со снегом. Посевная всюду остановилась. Хуже нет, когда с первых же шагов заминка случается. Кто не знает, как дорог первый замах, чтобы осечки не было, не зря ведь говорят, что лиха беда — начало. А тут этот неожиданный сбой с погодой... И хотя через два дня погода разъяснилась и агрегаты снова вышли в поле, все равно, однако, этот незапланированный сбой сказался на людях. А в «Ижевском» 19 мая утром свежие, не вкусившие

горечи остановки, а только лишь полные нетерпения, люди заводили моторы.

— Вот теперь пора,— сказал Карпухин.— Будем начинать.— Бригадир еще не закончил фразы, еще слово не домолвилось, а на полевом стане словно пробежала искра...

Сев быстро набирал обороты, и уже нельзя было ни механизаторов встретить в столовой — обедали они теперь возле машин,— ни Карпухина на полевом стане. Николай Васильевич по сложному маршруту, известному лишь ему одному, да еще, может быть, Жангуразову, потому что директор за годы совместной работы научился угадывать ход мыслей бригадира, кочевал по полям от агрегата к агрегату...

III

Наконец посевная вступила в такую фазу, когда ничто уже не могло ее остановить или задержать надолго. Пусть даже снегопад неожиданный — все возможно на целине,— здесь же на межах переждут механизаторы непогоду, чтобы при первой возможности продолжить сев и наверстать упущенное время. Хоть и рекомендуется не торопиться, а затягивать посевную тоже ни к чему. Сколько раз мы видели, как осенью не успевали убрать замечательные хлеба, которые слишком поздно созрели...

Поля подходили к железной дороге. Если посмотреть вдоль рейсов, видны дома райцентра Вишневка. Таких поселков много в Северном Казахстане, и все чем-то неуловимо схожи друг с другом: хлебоприемный пункт у станции, типовое белое здания райкома и райсполкома, беленые хаты на окраинах... Да еще пыльные ветры летом, и на рассвете — неуловимый запах степи.

Оттого что несколько раз за день, путешествуя по полям карпухинской бригады, я бывал возле железной дороги, как-то значительнее и рельефнее открывалось значение этих майских дней — не просто сева, а начала года в сельском хозяйстве.

Вот прошел эшелон с автомашинами и автоприцепами — это под будущие перевозки зерна. Комбайны, трактора, тракторные тележки, которых всегда не хватает. Даже новые сеялки — эти припоздали, их пустят в дело на будущий год.

...Рано утром я застал Карпухина на центральной усадьбе. Это было само по себе удивительно: хоть и ранним утром, но бригадир не в поле, не около домиков полевого стана, а в поселке... Он сидел на скамеечке около Дома культуры, вроде бы никуда не торопился. Значит, посевная вошла в ритм, сбоек не предвидится, раз назначили совещание в конторе, а не на поле.

Было солнечно и свежо, зелень листвы на тополях и березах была яркой, белела школа, и оттуда доносились детские голоса.

— Вот чем нынешние целинные поселки отличаются от тех, первых, — сказал Карпухин. — Детей много. На улице много детей! Это как-то радостно...

— Детей и деревьев, — сказал я.

— Да, детей и деревьев, — повторил Карпухин и вдруг добавил: — А знаешь, сколько нужно лет, чтобы вырастить сад?

...Они ведь тогда с женой в первую весну посадили сад. Сад вымерз. И вторую их дочь, которая родилась на целине, тоже одолела хворь.

Тогда директором совхоза была Евдокия Андреевна Зайчукова — та самая, чьим именем сейчас названа улица в совхозном поселке. В свое время она вручала Карпухину партбилет; знала она и про беду, которая заела карпухинскую семью. Однажды пришла Евдокия к Карпухину: «Что, дочери совсем плохо?» Карпухин кивнул.

— Знаешь, что, — сказала она чуть спустя, — собирай-ка вещи... Через три дня уезжай, — я уж билеты заказала. Машину вам подадут, — сказала в гараже. — И там, на родине, встретят, я позвоню. А если дочери полегчает — возвращайтесь. Мы будем вас ждать. Совхозу нужен Карпухин.

Так Николай Васильевич Карпухин единственный раз. ■

не по своей воле, расстался с целиной и ненадолго. Дочь умерла там, в Краснодарском крае. А Карпухин после похорон вернулся.

Мне кажется порой, что судьбы целинников — тех, кто выдержал самые трудные для целины годы, и построил здесь свой дом, и посадил свой сад — как-то связаны между собой и похожи одна на другую. И похожи не одним внешним рисунком... В таком-то году приехал, в таком-то родился ребенок, в таком-то получил орден, или жил в палатке, в общежитии, обзавелся домом, или работал на «ДТ-54», потом на «К-700», на прицепном комбайне, сейчас — на «Ниве»...

Они, эти судьбы, похожи внутренними своими драмами: вот хлебоборб стоит на краю поля, на котором пшеница полегла под тяжестью недавно выпавшего снега...

Многие, что скрывать, вернулись на родину — и можно ли осуждать земледельца, который разуверился в земле?.. Кстати, я еще не встречал человека, который бы, расставшись однажды с целиной, потом не возвращался туда мысленно, не болел бы за нее, не интересовался, как там дела, на целине...

В полдень мы снова встретились с Карпухиным, на сей раз в поле. И опять про сад он вспомнил:

— В бригаде у нас тоже сад засох,— сказал Карпухин.— За деревьями присмотр нужен. А тут впряглись в работу — забыли про них. Да и молоды еще были и, может быть, не придавали значения.

Поодаль от нас, усевшись прямо на траве, обедали трактористы. Кое-кто уже закуривал, повара прикручивали крышки термосов, складывали тарелки и ложки... Молодой тракторист в синем берете, сдвинутым на ухо, подошел к бригадиру и попросил:

— Николай Васильевич, не посмотришь, что-то коробка барахлит, или кажется мне... Туго очень переключается...

Карпухин ушел с парнем, залез в кабину. Мотор вскоре подал «голос». Вслед двинулись к своим агрегатам остальные механизаторы. На полном газу лихо выскочили на дорогу первые два трактора. Зеленая поляна опустела. Только

у края поля меланхолично ходил вокруг своего трактора Василий Артемьевич Вишневский, толковый, опытный механизатор, но любитель «качать права». Вот и сейчас он подошел к бригадиру с претензиями: «Чем вы думали? Конец дня, а мне на самое дальнее поле, пока досду, уже домой возвращаться надо, хоть силком заставляйте — не поеду...»

Карпухин слушал равнодушно, и даже вроде бы соглашался и, не дослушав, отвернулся, и пошел к выезду на дорогу. Он не сомневался, что Вишневский исполнит все в лучшем виде, просто человек не мог приступить к делу, не облегчив души...

Спустя минут пять запылил и Вишневский. Карпухин поднял руку, отвернувшись от оседающей пыли. Вишневский остановил машину, открыл дверцу, приглушил двигатель, все еще продолжая что-то бурчать...

— Учти,— сказал Карпухин.— Ты за молодежь в ответе. Качество, ну и все остальное...

Бригадир знал, теперь все пойдет как надо: Вишневский любил чувствовать себя человеком ответственным, он и себе пощады не дает, и молодым людям не позволит лишний раз перекурить или схалтурить.

Карпухин как бригадир — кстати, и иным, прочим, руководителям эта способность не помешала бы — тонко знал, какую струну затронуть в человеке. Если люди подчиняются кому-то на работе сознательно, добровольно, конфликтов не возникает. Короче говоря, нужен не формальный лидер, не формальный, подчеркиваю...

Посевная продолжалась, и по каким-то неясным признакам — по обрывкам ли радиопередач, по разговорам ли, — но это чувствовалось, что совхоз «Ижевский» по темпам посевной опережал остальные хозяйства района. Начинали отставать даже те, кто был первым. Отчего? Каким образом удавалось это Карпухину? Я не смогу и сейчас ответить. Вроде условия были одинаковы для всех, вроде и не торопился он.

— Надо иметь большую приверженность к земле,— сказал Николай Васильевич.

— Если нет приверженности, то рано или поздно обязательно сработает как легче, а не так, как земля просит.

Приверженность — слово неоднозначное, по Карпухину, оно вмещает в себя такие понятия, как понимание земли, добросовестность и главное — постоянство... Приверженность к земле может быть только постоянной. На всю жизнь.

...Вот так они и проходят, дни и недели жизни. То, что вчера было незыблемым, завтра может оказаться устаревшим — целина заменила плуги плоскорезами... На смену маломощным «ДТ» пришли богатыри «Кировцы», другими становятся совхозные поселки, дома.

Неизменными останутся лишь волнения хлебороба, весной — на севе, осенью — на жатве. И даже если наступит такая пора, когда хлебороб сможет управлять дождем, как своей машиной, все равно он будет глядеть на созревающие хлеба с надеждой и тревогой.

...И уже подрастают где-то в сельских школах будущие Карпухины и Дитюки, будущие Жангуразовы и Бараевы, которым еще предстоит поднять и освоить свою целину — с ее урожаями за двадцать и тридцать центнеров с гектара, с ее тучными нивами на нынешних солонцах, с ее яблоневыми садами... Хлеб не с жатвы, не с пахоты начинается. Не с весны, не с осени. Хлеб начинается с человека.

Григорий Фрумкин, журналист.

Незабываемое

В летопись построения развитого социалистического общества золотыми буквами вписаны страницы освоения целинных и залежных земель, трудовые подвиги советского народа.

Акмолинскому (теперь Целиноградскому) району, как одному из крупнейших в области, отводилась немалая роль в этом исключительно важном всенародном деле. Предстояло распахать большие степные массивы, в два раза увеличить площади посева зерновых культур, в первую очередь пшеницы. Требовались решительные меры, неустанная работа всех звеньев района. После мартовского (1954 года) Пленума ЦК КПСС в район поступило 290 новых тракторов, 120 тракторных плугов, 200 комбайнов, 85 сеялок и много других почвообрабатывающих орудий и сельхозмашин различного назначения. Району было установлено задание создать новый совхоз по производству зерна. Учитывая все необходимые условия, особенно наличие водных источников, плодородие почвы, мы решили выбрать место для нового хозяйства в южной части территории района, на расстоянии ста километров от районного центра. Совхозу было присвоено имя Героя Советского Союза Маншук Маметовой. Вскоре приехал с приказом министерства сельского хозяйства Казахской ССР первый директор совхоза. Гафиатулин Сулейман Халилович. Это было осенью 1954 года. Новоселы должны были прибывать с января 1955 года и предстояло вести усиленную, неотложную подготовку к встрече первых целинников. В районе все было поднято на ноги, каждая организация выполняла определенную работу.

Я работал в то время председателем Акмолинского райисполкома, был свидетелем и сам активно участвовал во всех делах подготовки нового совхоза к приему новоселов. Чтобы разместить первоцелинников, для их временного проживания новому совхозу были выделены железнодорожные четырехосные «пульмановские» вагоны, установленные на стальные ползья. Их надо было доставить до места центральной усадьбы и переоборудовать в жилье, столовые, бани и пр. Часть земельных угодий отводилась новому хозяйству от старого скотоводческого совхоза «Челкарский», поэтому мы считали необходимым помочь создаваемому совхозу местными механизаторскими кадрами.

Первыми трактористами, переведенными из «Челкарского» в совхоз имени Маншук Маметовой, были Александр Александрович Пфафенгут и Христиан Яковлевич Браун. Недавно я встретился с ними, теперь уже ветеранами труда. Это на их долю выпала доставка вагонов на тракторах «ДТ-54» с железнодорожной станции. Расстояние 100 километров на двойной тяге преодолевали тогда за три дня. Таким образом в совхоз было доставлено 24 вагона, три походных бани. Немалыми усилиями были добыты и завезены топливо, чугунные и железные печурки (их называли буржуйками) и обжигались эти вагоны. В одном из них оборудовали столовую, а фонд на продукты отпускался в достаточном размере. В общем, район мог доложить области о своей готовности принимать новоселов.

В начале 1955 года не только в новый совхоз, но и в другие хозяйства района стали прибывать целинники по комсомольским путевкам. Местное население принимало их по-братски, дружно, люди делились всем, чем, как говорится, были богаты.

В МТС «Авангард» (теперь совхоз «Новоишимский») приехали посланцы Москвы и Харьковской области. В отдельных случаях тракторные бригады отправлялись на целину в полном составе. Так, в Семеновскую МТС (теперь совхоз «Воздвиженский») прибыла комсомольско-молодежная тракторная бригада из Полтавской области. Бригаду Ивана Тереника из Гусаровской МТС Харьковской области тепло встретили в ауле Тайтюбе (теперь совхоз-техникум), где им было предоставлено хорошее жилье. Между харьковчанами и местными комсомольцами Сагалбеком Ахметовым, Мауленом Утемисовым завязалась теплая дружба, механизаторы вместе готовили технику к севу и вместе провели весенне-полевые работы. Во всех МТС района создавались новые тракторные отряды, только в Казгочинской МТС (теперь совхоз «Октябрь») образовались 13 таких бригад. Широкий размах получило социалистическое соревнование, направленное, в основном, на увеличение выработки на каждый трактор «ДТ-54».

В марте 1955 года в совхоз имени Маншук Маметовой прибыли новоселы из Ивановской области. Среди них обращал на себя внимание молодой парень с Золотой Звездой Героя Советского Союза на груди. Это был комсомолец Владимир Миловидов, бывший танкист.

Мы сразу решили, что лучшего начальника молодежного тракторного отряда не сыскать. У Миловидовых была трехлетняя дочка Наташа и, конечно, были созданы первые необходимые, по тогдашней обстановке, условия для жизни семей с детьми. При разговоре с друзьями на вопрос, как это он рискнул с малым ребенком в такую стужу поехать в холодный край, Миловидов кратко отвечал: «Я рассчитывал на теплую братскую встречу и не ошибся». Наташа росла, а ее отец Владимир Сергеевич много лет проработал бригадиром, львиная доля целинной пахоты в совхозе пришлась на его славную бригаду. В 1963 году у Миловидовых родился сын Михаил. На целине он окончил среднюю школу, а после службы в Советской Армии вернулся в родной совхоз. Наташа окончила Целиноградский финансово-экономический техникум, работала и продолжала учиться, закончила заочно Целиноградский сельскохозяйственный институт, получила диплом экономиста. Сейчас Наталья Владимировна возглавляет экономический отдел совхоза.

Леонид Ильич Брежнев писал: «Люди поднимали целину, а целина поднимала людей». Эти слова с полным правом можно отнести к Владимиру Миловидову и его товарищам: Алексею Родионову, Александру Пфафенгуту, Зое Петровне и Леониду Александровичу Кудряшовым.

Благодаря усилиям первоцелинников, всех сельских тружеников, совхоз имени Героя Советского Союза Маншук Маметовой стал одним из крупных высокомеханизированных хозяйств Целиноградской области. Здесь высокими темпами шла работа по подъему целинных земель. Достаточно сказать, что уже на втором году своего существования совхоз довел посевную площадь до двадцати тысяч гектаров, получил полтора миллиона рублей прибыли. А всего в районе

было поднято 245 тысяч гектаров целинных и залежных земель. Это и позволило засыпать в 1958 году в закрома Родины 19 миллионов пудов хлеба.

Неуклонно развиваются отрасли совхозного производства и сегодня. Так, десятую пятилетку хозяйство завершило с прибылью. Ныне труженики целинного совхоза имени Маншук Маметовой реализуют Продовольственную программу страны.

К. С. Сыздыков, ветеран целины, бывший председатель целиноградского райисполкома.

Словно было это вчера...

До освоения целинных земель мне в течение семи лет довелось работать научным сотрудником на Шортандинской сельскохозяйственной опытной станции.

В 1953 году меня перевели по моей просьбе на педагогическую работу в бывшую Акмолинскую среднюю школу по подготовке председателей колхозов. Когда началось широкое наступление на целину, то в стороне от этого грандиозного дела не остался и преподавательский коллектив нашей школы. Так, например, мы наряду с основной работой активно участвовали в подготовке трактористов из числа комсомольцев города, пожелавших поехать в совхозы и колхозы области поднимать целину.

В освоение целинных земель внес и я свою лепту, будучи директором нового совхоза «Любимовский».

Первооснователями совхоза были посланцы Днепропетровской и Полтавской областей Украины, Москвы и Краснодара, прибывшие в ковыльный край по комсомольским путевкам.

Ранней весной наряду с распашкой земель рабочие хозяйства активно взялись за строительство совхозного поселка. Благодаря этому за один год было построено двадцать сборнощитовых двух- и четырехквартирных домов, магазин, столовая и начато сооружение общежития на 80 мест, гаража и зерносклада. На следующий год параллельно с возведением жилья велось строительство второго зерносклада, завершалась постройка общежития и конторы. Все это позволило начать переселение первоцелинников из палаток и вагончиков в благоустроенные жилые помещения. Поскольку появилось добротное жилье, в совхоз стали приезжать семьи многих рабочих и служащих.

Уже в первую целинную весну на четырех тысячах гектаров распаханной степи была посеяна пшеница, и осенью собран немалый урожай.

Зима 1956 года выдалась очень снежной и холодной. Из «Любимовского» на железнодорожную станцию «Красивое» и районный центр Есиль дороги не было, и для того, чтобы доставлять в совхоз необходимые грузы, приходилось на тракторе «С-80», оборудованном мощным угольником, расчищать снежные заносы для прохода автомашин, а также держать на трассе трактор для буксирования застрявших в сугробах машин. В совхозе еще не было автогаража и типовой мастерской, поэтому текущий ремонт автомашин и тракторов приходилось проводить под открытым небом. И все же, несмотря на большие сложности, специалисты хозяйства, механизаторы и рабочие совхоза с энтузиазмом работали на всех участках совхозного производства.

Осенью наши усилия увенчались большим успехом: мы вырастили богатый урожай и, вместо девяти центнеров с гек-

тара по плану, собрали на круг почти по 15 центнеров хлеба. А зерновые занимали в совхозе более 22 тысяч гектаров земли. Можно представить, какой могучий золотой поток хлынул в закрома государства с полей совхоза. «Любимовский»! Свыше миллиона пудов хлеба получила Родина от нашего хозяйства. «Любимовский» стал участником Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, многие труженики были удостоены высоких наград Родины. Орденом Ленина были награждены главный агроном А. И. Кулинский, бригадиры И. И. Кислица, П. И. Ефимчук и я, орденом Трудового Красного Знамени — бригадиры П. С. Масалов и В. А. Корсунский, многим механизаторам также были вручены ордена и медали.

Был собран хороший урожай овощей и картофеля для общественного питания. К осени было завершено строительство конторы, небольшого клуба на 200 мест и второго зерносклада. Если в предыдущую зиму часть семенного зерна мы вынуждены были хранить на открытых площадках, то уже к следующей зиме все семена и зернофураж были засыпаны в склады.

Прибывшие семьи стали разводить скот и птицу. Некоторые рабочие сами начали строить для себя дома, им совхоз помогал стройматериалами. В поселке была открыта начальная школа и проблема учебы детей целинников была на первое время решена. В общем, новоселы стали обживаться.

После посевной, летом 1957 года, я был переведен на должность директора вновь организованного опытного хозяйства при Всесоюзном научно-исследовательском институте зернового хозяйства под Шортандами.

Впоследствии меня направили на работу в сельскохозяйственный институт.

Надо сказать, что я не без сожаления расставался с коллективом совхоза «Любимовский», где пришлось приложить много усилий в период его становления, с которым связано много дорогих сердцу воспоминаний. Я и сейчас пристально слежу за делами этого хозяйства и радуюсь тому, что в на-

стоящее время совхоз «Любимовский» — крупное высокоме-
ханизированное хозяйство в Есильском районе, что традиции
первоцелинников продолжают и развиваются молодым по-
колением казахстанских хлеборобов.

*Абдрашитов А. Х., кандидат экономических
наук, проректор Целиноградского сельско-
хозяйственного института.*

След на земле

Невелика степная речушка Колутон, особенно летом. Но зато шумна, говорлива и полноводна весной, в пору таяния снегов. Речушка Колутон преобразается. Она вдруг чувствует себя рекой, бурной, яростной, по-молодому стремительной и горячей. Но стекают внешние воды. Колутон перебесится и вновь обретает свой спокойный нрав, тихий облик. А по обе стороны от приречных камышей расстилаются привольные поля, щедрые, богатые на урожай, известного во всем целинном Приишимье колхоза «18 лет Казахстана».

Сюда дорога торная. Новокубанка давно стала примером для других сел области, сюда сдут перенять добрый опыт, поинтересоваться новинками, применяемыми в колхозе. Здесь не таят секретов, а делятся с присущей широтой и щедростью. А к своим успехам и достижениям, к своей прочной славе колхоз пришел нелегким и поучительным путем...

За каждым спелым колосом, за каждой кружкой молока всегда стоят чьи-то заботы, хлопоты, чей-то большой или малый труд. Но, говоря о производстве в цифрах, процентах, планах, мы нередко забываем, что они — часть чьей-то жизни. И самое лучшее, что происходит вокруг нас, — а сюда с пол-

ным правом можно отнести и богатые урожаи, и высокие на-
дои,— исходит от людей. Никакое дело, пусть самое незамет-
ное, от человеческой жизни не отделить.

Когда спрашиваешь у колхозников села Новокубанка, передового хозяйства Целиноградской области, чья заслуга в том, что их колхоз год от года крепнет, развивается его экономика, все лучше и культурнее живут люди, то непременно слышишь:

— Всё Кан Де Хан, председатель. Это при нем в колхозе и скотные дворы построили, и молочный комплекс, и дома со всеми удобствами, урожайность возделываемых культур подняли.

Если на эту тему заговорить с самим председателем, то он назовет сотню имен, и услышишь столько добрых слов в адрес каждого колхозника, что всякий раз думаешь: именно это и есть тот человек, благодаря которому хозяйство уже который год уверенно идет в гору. И глядя на то, чем живет сегодня хозяйство, какие здесь вершатся дела, убеждаешься, что прав председатель, не кривят душой и колхозники. Колхоз — это их совместная забота, их общая радость. Управление делами осуществляется на основе широкой демократии, при активном участии каждого труженика в решение всех вопросов колхозной жизни. Любого работника с коллективом связывает глубокая взаимная ответственность. Но так здесь было не всегда.

В Новокубанке хорошо помнят нелегкий 1944 год. Тогда-то и появился у них Кан Де Хан.

— На пост председателя рекомендуем молодого коммуниста товарища Кан Де Хана,— доложил колхозному собранию секретарь Шортандинского райкома партии.

Зал зашумел. «Такого мальчика и у нас откопать можно. Да еще поздоровее. А этот вроде слабоват. Фигурой несерьезен»,— вслух усомнился кто-то...

После собрания к Кан Де Хану протиснулся пожилой тракторист и спросил:

— Что же это вы, товарищ председатель, только побла-

годарили за доверие, а никаких обещаний не дали? Или собираетесь долго задерживаться?

— А каких обещаний вы ждали?

— Разных!.. В нашем колхозе председатели менялись один за другим. Вы у нас десятый. И все что-нибудь, да обещали. А один страсть как любил рисовать. Бывало, соберет мужиков возле конторы и начинает вычерчивать прутиком по земле: «Тут построю ферму, здесь — клуб, а там — мельницу». Порисует, отведет душеньку и забудет.

— А я не могу рисовать на песке и людей обманывать, — ответил Кан Де Хан. — Вы хозяева колхоза, от вас самих зависит, будет ли хозяйство крепким, будет ли достаток в каждом доме. А мое дело только помочь вам в этом.

Приняв отстающую артель, Кан Де Хан твердо знал, что от него требуется в первую очередь. Главное — поднять трудовую активность колхозников, выполнять планы продажи государству сельскохозяйственной продукции, вывести колхоз в передовые хозяйства района и области.

Основного богатства — земли — у артели немало: более восемнадцати тысяч гектаров. Но культура земледелия низкая, урожаи самые скудные в районе. А это отрицательно сказывалось на других отраслях общественного производства, тормозило их развитие. Колхозная казна пуста, а долгов уйма, голодающее стадо.

Изучив сложную ситуацию в колхозе, знакомясь с людьми, прислушиваясь к их мнениям, Кан Де Хан все пытался понять главное: в чем корни прежних неудач? И почти неизменно приходил к одному и тому же выводу: многие колхозники безразличны к состоянию дел в колхозе.

28-летний председатель настроичиво вникал во все тонкости хозяйства, остро переживал неурядицы и радовался первым успехам. Учил уму-разуму других и, не боясь уронить председательский авторитет, сам «брал уроки» у старших. И — требовал, требовал, требовал.

Действуя заодно с парторганизацией, председатель производил перестановку кадров в бригадах и на фермах. Однако это

не намного улучшило положение. Люди по-прежнему работали без души. Артель все еще не сводила концы с концами так, чтобы выдавать хлеборобу полной мерой за его труд. Тогда на правлении постановили ввести денежную оплату: семьдесят процентов от заработанного выдавать колхозникам ежемесячно, остальное в декабре.

С 1956 года перешли на гарантированную денежную оплату. Постепенно стали возвращаться в колхоз те, кто раньше уехал и искал лучшей жизни за пределами родного села.

Это была уже победа. Небольшая, правда, но все-таки победа.

С душой работал новый председатель. К приходу в колхоз Кан Де Хан уже имел солидный стаж практической работы в сельском хозяйстве, большой багаж знаний. И главное — он верил в людей, умел располагать их к себе. Его чуткость, общительность, спокойная рассудительность и трудолюбие покоряли колхозников.

Люди, почувствовав, что их председатель душой болеет за хозяйство, подтянулись. Шаг за шагом они убеждались, что многого можно достичь, если вести дело разумно.

Метод «сначала рассчитай, а потом делай» становился нормой колхозной жизни. Вот, в общем-то, обыденный, но весьма характерный для хозяйства эпизод.

Базисная жирность молока составляет 3,8 процента. А колхозное молоко постоянно принимали на молокозаводе по 3,6 процента. В результате за один только год было списано 150 центнеров колхозной продукции. Председатель собрал животноводов.

— Что, коровы у нас плохие?

— Нет, — возразили доярки. — Думаем, что на заводе занижают жирность при приемке...

— Если это так, нужно приобрести оборудование и проверить самим.

Купили элементарное оборудование для каждой фермы, сделали анализ партии молока: 3,78 процента. А на заводе, как всегда, установили процент жирности 3,6.

— Нет, 3,78 процента,— уточняли колхозники.

Снова сделали замер, и выяснилось, что колхозники правы, жирность молока действительно занижалась на заводе, из-за чего хозяйство терпело убытки. Внутренний контроль в первый же год вернул в кассу 22 тысячи рублей.

— Но знаете, что было тут главным?— Кан Де Хан долго молчит, словно еще раз оценивает ситуацию. — Ставя банкашную цель — закрыть конкретный источник убытков, мы, быть может, не сознавали до конца важности той цепной реакции, которая при этом возникла. А получилось так, что в конечном счете каждая доярка должна отвечать не только за количественную, но и качественную сторону своей работы, и теперь основная и дополнительная оплата их труда производится и с учетом жирности молока.

Доярки, телятницы, свинарки чувствовали повседневное внимание к себе, видели, что фермы укрупняются, обновляется молочное стадо, появляются механизмы, облегчающие труд на фермах. И вот уже Кан Де Хан, которого давно уже стали называть уважительно Дмитрий Хасенович, беседуя с доярками, допытывается, кто возьмется первой надоть за год три тысячи литров молока от каждой коровы? Пожилые женщины отмалчивались, не решались связывать себя высокой ответственностью, а молодые (их было тогда совсем мало) даже думать об этом не могли — в ту пору такие надои казались непостижимо высокими. И все-таки он успел заметить, как заблестели глаза Нины Поповой. Она верила в себя, но первой браться пока не решалась. Как же расшевелить, разбудить в ней дух соперничества. На одном из собраний Кан Де Хан, рассказывая о развитии животноводства, будто невзначай сказал:

— А вот Нина Попова берется надоть по три тысячи килограммов молока от коровы. Верно, Нина?

Раскрасневшаяся, растерявшаяся от неожиданности, девушка, чувствуя на себя взгляды, вдруг произнесла:

— Что ж, верно, Дмитрий Хасенович, берусь...

Ее, конечно, попрекали: «Молодая, да прыткая... Ишь, славы захотела». А опытным дояркам было обидно, что Нина,

совсем еще «зеленая» девушка, задумала обогнать их. И многие взяли такое же обязательство — гордость не позволила отстать. Так и пришло здоровое соперничество. Это привело к тому, что надои молока стали стабильно расти, и теперь 2,5—3 тысячи литров в год на корову — обычная цифра для новокубанских доярок.

О том, что Кан Де Хан деловой человек, убедительно свидетельствует вся его тридцатидвухлетняя председательская биография. Родина по достоинству оценила его заслуги — на его груди поблескивает Звезда Героя Социалистического Труда.

Как-то я спросил Дмитрия Хасеновича: какими качествами, на его взгляд, должен обладать председатель колхоза?

— Серьезный вопрос, — засмеялся он. А потом уже серьезно сказал: — Авторитетом. А прочность его основывается на честности. Предельной честности всегда и во всем. Ни малейшего компромисса, ни малейшей сделки с совестью. Авторитет ведь — штука капризная: можно десятки лет его завоевывать, а растерять за какие-нибудь десять минут. Ценность руководителя определяется, по-моему, не только его собственными возможностями — пусть даже они многогранны и значительны, — но и умением заражать своей энергией окружающих, той самой степенью активного доверия к людям, которая пробуждает их к самостоятельному действию. И, уверяю вас, чем больше людям отдаешь, тем больше к тебе же и возвращается. Недаром ведь говорят: что сберег — потерял, все отдал — богаче стал. Нужна и твердость характера, забота о людях, внимание к ним. Работа председателя требует постоянного напряжения всех физических и духовных сил. Это сложная и трудная работа. И вот возможность жить в полном напряжении всех сил, даже на пределе этих сил, — это та жизнь, которая мне по душе. Иначе я не хотел бы жить, да, наверное, и не мог бы. Ведь Кан Де Хан и не видит свою жизнь иной. Он не умеет жить для себя. Просто он не знает, что это такое.

Перед поездкой в Новокубанку я вспомнил случай, о котором мне рассказывали в Шортандах, еще до поездки в колхоз. Как-то в разгар уборочной страды Кан Де Хан приезжает

в бригаду Александра Логинова, расспрашивает, сколько скошено, сколько хлеба еще на корню, как с транспортом. Выслушав бригадира, коротко сказал:

— Быстренько сделай необходимые распоряжения и — в контору. Путевка, деньги — все приготовлено. Рано утром уезжаешь. Из санатория напиши. Понял?

— Так как это можно? Ведь хлеба еще столько не убрано.

— О людях печемся, — шутит Кан Де Хан. — Ты же нам нужен не только на сегодня, а на многие годы. Вот и поезжай, набирайся здоровья.

Крепко пожал руку и уехал.

Всем известно, что целый день председатель у всех на виду, на каждом шагу — встречи с людьми. А значит: просьбы, советы, мнения... Как все запомнить, не обидеть человека невниманием, не забыть о нем впопыхах?

— Я приучил себя делать пометки в календаре: что и кому обещаю, — рассказывал Кан Де Хан. — Каждый вечер просматриваю старые и делаю новые записи. Особенно слежу, чтобы сдержать свое слово. Если вижу, что не получается, извинюсь перед человеком, договорюсь о новых сроках.

Мы разговаривали с председателем в кабинете, объезжали колхозные поля, встречались с колхозниками, специалистами. Я слушал Кан Де Хана, видел его в деле и постепенно сумел себе объяснить, почему один из руководителей района многозначительно сказал: «Таких бы руководителей с пяток на район!...»

— Целью моей жизни было и будет посеять в человеке зерно добра и вырастить добро, — сказал мне председатель.

А я вспомнил, как зашла однажды в кабинет председателя жена колхозника:

— Василий мой — хороший человек. Но что-то запил, дебоширит... Дети начали сторониться, бояться отца. Разводиться с ним, что ли, председатель?

Нашел Кан Де Хан нужные слова, чтобы успокоить женщину, пообещал помочь. А с мужем ее говорил по-мужски, и не

раз. Сейчас этот человек — пример другим. Получает грамоты правления колхоза, премии, отличный семьянин.

В этом весь председатель — в любви к людям, к земле. Да иначе, думалось мне, и быть не может у Кан Де Хана, в котором здоровая крестьянская косточка, который родился и вырос в деревне.

Говорят, характер ярче всего проявляется в спорах. Но, пожалуй, еще больше он проявляется в умении быть спокойным там, где бы взорвался, нагрубил. Вот такая подчеркнутая сдержанность, бросившаяся мне в глаза, пожалуй, наиболее характерная черта Кан Де Хана. Это чувствуется во всем: и в манере разговаривать, и в умении слушать человека.

Поклонник новшеств, Кан Де Хан в то же время не бросается неоглядно, будто в омут, внедрять их. Он присматривается, примеривается, подходит ли это новое хозяйству, соответствует ли его условиям, насколько экономически выгодно.

Жизненные устои Кан Де Хана, его безграничная преданность делу, страстность не могут не передаваться людям, тем, кто его окружает, кто работает под его руководством. Мне так и хочется сказать, что в них преломляется его председательский дух.

Двадцать пять лет вторую тракторно-полеводческую бригаду возглавляет лауреат Государственной премии СССР, кавалер ордена Ленина Александр Владимирович Логинов. Из рядового тракториста-первоцелинника он вырос в думающего работника, настоящего земледельца. И такие примеры не единичны. К примеру, Иван Филиппович Арнт, хороший товарищ, знающий специалист. Умеет работать с людьми. Правление колхоза не раз посылало его на трудные участки. Раньше он был бригадиром третьей бригады, затем перешел в отстающую первую и вывел ее в число передовых. В прошлом году она получила самый большой урожай пшеницы — 22 центнера с гектара. Сегодня в сельхозартели все главные специалисты и специалисты среднего звена — это бывшие вчерашние колхозные трактористы, электрики, комбайнеры, учетчики, шоферы. Именно такую хлебоборбскую школу прошли главный агроном

М. В. Береза, главный инженер А. Подольский, инженер В. Пфитценмаер, агроном И. Церр. А на смену приходят сыновья, окончившие институты и училища.

Основное кредо Кан Де Хана — внимание и чуткость к людям, забота о них.

О хорошем слышится далеко — в этом лишний раз убеждаешься, читая письма, которые идут в правление колхоза имени 18 лет Казахстана со всех концов страны. В папке их накопилось уже свыше трехсот.

В селе много строится, еще больше планируется построить. Сейчас в колхозе насчитывается более пятисот трехкомнатных домов со всеми удобствами, построенных для членов артели. Они предоставлены колхозникам в долгосрочный кредит: на пятнадцать — двадцать лет. Ежемесячный взнос по погашению кредита равен десяти — двенадцати рублям — самая обычная плата за коммунальную квартиру.

— Нужно строить, как никогда, много и хорошо, — говорил председатель на общем собрании колхозников, — для нас, наших детей и внуков. Чтобы село наше, село будущего, ни в чем не уступало городу, чтобы в наших светлых, просторных новых домах были и газ, и ванная, и телефон.

На заседании правления обсуждался вопрос о фактах нарушения режима восьмичасового рабочего дня. Советским законодательством не предусмотрена такая строгая регламентация для кооперативных хозяйств: они вправе сами устанавливать в качестве расчетной основы восьмичасовой рабочий день, как на большинстве промышленных предприятий и учреждений страны. Но раздавались тогда и недоверчивые голоса:

— Ничего из этого не выйдет: колхоз — не город.

— В поле не по часам работают, а по солнцу: от зари до зари.

В самом деле, такой размеренный, строго определенный по времени рабочий день многим казался необычным. Испокоин веков крестьянин занимается своим привычным делом столько, сколько требуют обстоятельства. Сельскохозяйственное производство имеет свою специфику, определенную сезонность

работ. В покос или жатву надо «ухватить» время, сделать все в строго определенные сроки. А зимой дел меньше, можно и передохнуть.

Сезонность осталась. Но условия сельскохозяйственного производства коренным образом изменились. Высокая техническая вооруженность и интенсивные методы ведения хозяйства позволяют теперь быстрее управляться с работой, вести производство на строго плановом расчете. Значит, регламентировать и режим труда.

— Хорошо, это на поле,— высказывались сомнения.— А как быть на ферме? Животных надо поить, кормить, доить. В восемь часов не уложишься.

— Будем переходить на двухсменную работу,— доказывал Дмитрий Хасенович, горячий поборник распорядка.— Надо покончить с расхлябанностью, беречь рабочее время.

— А где вы народу наберете за две смены? И в одну-то на ферме мало охотников работать.

— Потому и не хватает, что доярке или скотнику придется проводить там чуть ли не целые сутки.

Для пробы перевели на двухсменную работу вначале только механизированный молочный комплекс. И что же? За три месяца новая организация и нормированный режим труда показали свое полное преимущество. Во-первых, заметно поднялись надои. Корма те же, но все делается теперь вовремя, жестче соблюдается режим, и одно это повысило продуктивность коров. Во-вторых, люди стали проситься работать на ферму. Удобно в две смены: у каждого остается гарантированное время для дома и семьи. И теперь, как в городе, в неделю по два выходных дня.

А вскоре на новый распорядок работы перевели и другие участки. И вот что любопытно: заработки животноводов несколько снизились, ибо каждый в отдельности теперь меньше работает, а заинтересованность в труде поднялась. Повысилась и производительность труда. И это тоже понятно: труд стал организованнее, работа лучше спорится.

Но ведь и раньше для руководителей совхозов, колхозов

человек всегда был на первом плане. Даже в самые трудные времена первоочередной заботой было оборудовать вагончик для трактористов, организовать питание, поощрить за добросовестный труд. А сейчас эта забота удесятирилась. Отличные полевые станы с комнатами отдыха, красными уголками, душевыми, столовыми. Красные вымпелы, «молнии», торжественный подъем флага в честь победителя соревнования.

...Но не беспредельны силы человека, его здоровье. Возраст давал знать о себе. Кан Де Хану все труднее становилось исполнять многочисленные председательские обязанности. И общему собранию колхозников пришлось рассматривать заявление бессменного председателя.

В эти дни ветеран колхозного движения, Герой Социалистического Труда Кан Де Хан отмечает свое семидесятилетие. И он, как прежде, в строю. Остается рядом с теми, кто умножает славу колхоза. Вот уже шесть лет по поручению правления Кан Де Хан возглавляет бригаду по благоустройству и озеленению поселка. Побывайте в эти дни в Новокубанке, и вы увидите цветущий оазис в необъятной целинной степи...

Г. Роцин, журналист.

Определение высоты

Зимы у нас, в Северном Казахстане, по-сибирски долгие, суровые, и потому всегда с особым нетерпением ожидается приход весны. Когда под лучами щедрого весеннего солнца сходят снега и обнажается сырая, в серой щетине стерни земля, я чувствую большую, переполняющую сердце радость, что снова ступаю по открывшейся, оттаивающей почве, жадно впитывающей снежную чистую влагу. Вязнешь в этой разбух-

шей массе, тяжелые комья прилипают к обуви, а вот отраднo и хорошо на душе: кто-то скажет, что это грязь непролазная, а для хлебороба это земля, мать-кормилица. И хотя ноги мои не чувствуют ее размякшей от талых вод поверхности, я ощущаю это весеннее поле «своей душой», как точно выражаются мои друзья-механизаторы, то есть сердцем человека, отдавшего ниве лучшие годы своей жизни, свои силы и любовь.

Юной смене, как известно, присуще стремление мечтать, дерзать, добиваться исполнения желаний и планов. Во все времена эти качества отличали и старшее поколение. Оно, как и прежде, устремлено в завтрашний день, четко видит перспективы целины. Но у нас есть и еще одна черта, которой пока нет у молодых: сравнивать, соотносить настоящее с минувшим на основании собственного опыта. Воспоминания — это не только признак прошедшей молодости, но и верный способ еще раз проверить, как жил, работал, все ли делал так, как нужно, был ли активен и полезен людям, верный ли путь выбрал в жизни, достаточно ли твердо следовал этим курсом, что еще можешь совершать на общее благо.

Вот и я, оценивая себя в прошлом, могу признать: в главном поступил правильно — выбрал профессию хлебороба, полюбив сердцем землю, нашел в себе силы встать вровень с другими и очень благодарен и обязан целине — она меня поддерживала, воспитывала, здесь я нашел свое место в жизни.

Матери я почти не помню: она умерла от тяжелой болезни, когда было мне пять лет. Отец работал на вагоноремонтном заводе, был слесарем-лекальщиком высокой квалификации. Одному со мной ему было трудно, и поэтому он часто увозил меня из Ленинграда в деревню Стехново, что под Ржевом Калининской области, к бабушке. Видимо, тогда и вошла в меня, пока еще неосознанно, любовь к природе, к деревенской жизни, к сельским далям. У меня, как и у моих сверстников, было счастливое детство, но его круто оборвала война.

Маленькая, затерянная среди лесов и полей деревенька Стехново оказалась в полосе ожесточенных боев на ржевском направлении. Помню первую бомбежку. Я как раз помогал

чувствовал себя полноценным человеком-тружеником. Но тут как раз раздалось призывное, набатное, обжигающее сердце: «Даешь целину!». И тогда я понял, что мое место там, среди комсомольцев-добровольцев. Снова задал себе вопрос: а хватит ли сил, выдержки, воли работать в тех трудных условиях? К окончательному решению пришел не сразу. Признаюсь честно, какое-то время преодолевал собственные, имеющие под собой почву, опасения и другие, не зависящие от меня преграды.

Пришлось, чтобы пройти медицинскую комиссию, применить хитрость — на прием к хирургу вместо меня ходил знакомый парень. Так и появилось необходимое заключение: «Здоров. На целину годен». Упорно «осаждал» я и горком комсомола. В конце концов там меня правильно поняли и вручили комсомольскую путевку. В чемоданчик вместе с пожитками уложил и свой нехитрый сапожный инструмент, а приятелям сказал так: «Понимаю, что может и не получиться задуманное. Но, как бы ни повернулось дело, в тягость не буду. Сапожники на целине тоже нужны».

Прибыл наш эшелон на станцию Бреды Челябинской области, оттуда на автомашинах приехали в Джетыгаринский район Кустанайской области. Мороз в тот день стоял за 30 градусов. А было — я запомнил это число — первое апреля. Вот уж действительно хочешь — верь, хочешь — нет.

От Джетыгары, где нас встретил директор создаваемого совхоза Кузьма Митрофанович Селиванов, до места назначения добирались санным поездом. Вокруг голая, необозримая степь, засыпанная серовато-белым, искрящимся на холодном солнце снегом. Вот какая она, настоящая степь! Глазу не за что зацепиться! Белое безмолвие от горизонта до горизонта. Но не унывали новоселы. Поставили палатки на берегу речушки Желкуар. Палатки были большие, на 32 человека. Обогревались «буржуйкой». Рядом сидишь — тепло, чуть ли не изнемогаешь от жары, а отойди куда-нибудь в угол — сразу «колотун» затрясет. В одной из палаток выкроили закуток для моего «салона», и стал я заниматься своим сапожным делом:

ставил набойки, подметки, каблуки... Обувь, как говорится, «огнем горела», и без починки пришлось бы туговато. А я радовался: как же, при деле, всем нужен, никто косо смотреть не будет. Но, признаться, прицел у меня был дальний. Завидовал ребятам. Весна в конце концов взяла свое, и началась распашка земли. Буквально за палаточным городком брала свое начало первая борозда.

А вечером парни, вернувшись с пахоты, в спецовках, перепачканных автолом и машинным маслом, припорошенные первой пылью, вели нескончаемые разговоры о вспашке и плугах, запчастях и горючем. Я видел, чувствовал, что именно у них, моих ровесников, усталых и измученных нелегкой работой, настоящая, интересная, неведомая и недоступная мне жизнь. Чего скрывать: завидовал. Именно они — первопроходцы, пахари целины. А я вроде бы и рядом с настоящим делом, а все-таки в стороне от него.

Осмелился, пошел к директору. Совхоз одновременно с распашкой земли начинал ставить первые дома будущего поселка. Вот я и попросился в разнорабочие, зная, что в строительной бригаде люди нужны позарез. Обещал, что починкой обуви буду заниматься в свободное время по-прежнему, никому не откажу.

Кузьма Митрофанович Селиванов — добрая и чуткая душа! — вначале не соглашался.

Но я сумел настоять на своем — стал подсобником. Наравне со всеми, взяв тяжелый лом, целыми днями долбил бутый камень для фундаментов. И был счастлив, что выдерживаю напряжение, не уступаю другим.

А наши трактористы сделали великое дело: распахали восемнадцать тысяч гектаров веками спрессованной земли, на новых полях провели сев, вырастили и убрали урожай. Первый хлеб... Какой это праздник! Мне ведь навсегда врезалось в память, что дед мой погиб, потому что не было хлеба, отец мой погиб, потому что ему тоже не хватило, может быть, одного ломтика хлеба...

Видимо, мысли эти и были моим внутренним двигателем.

направляли мои поступки. Хотелось быть поближе к земле, к хлеборобскому делу. И когда освободилось место весовщика на зернотоку и мой «опекун» Иван Сторожук предложил мне эту работу, я согласился с великой радостью. Весной, во время разлива Желкуара, всполошился наш «мужской монастырь»: услышали мы вдруг девичьи голоса на другом берегу. Сперва, правда, подумали, что показалось. Но не могли же ослышаться все сразу! Устремились к реке. Точно, группа девчат со всеми пожитками. Кличут нас. Хлопцы наперебой заторопились к лодкам. И я туда же — разве отстанешь? Кое-кого сумел обогнать, вскочил в лодку — и вперед. Причалил к другому берегу, смотрю во все глаза: красавицы — да и только. А одна хохотушка смело так говорит: «Не меня ли высматриваешь?» — и смеется.

— Тебя, — в тон ей отвечаю. — Садись. Откуда будешь?

— Из Дагестана, — отвечает. — Строить дома приехала. А зовут меня Аней. Анна Коновалова.

Совсем уже осмелев, спрашиваю, вроде бы шутя: «Жених-то есть?»

— Будет!

Так и познакомились. Сразу скажу, что та шутка правдой оказалась. Именно Аня Коновалова и стала вскоре моей женой и доброй помощницей. Теперь уже четверо детей у нас. Сейчас все взрослые, самостоятельные.

...И снова пришла весна в ковыльную нашу степь. Много новых забот принесла она нам: надо было и с севом поторавливаться и распашку земель продолжать. Техника есть, а механизаторов недостаточно. Решено было некоторых прицепщиков посадить за рычаги тракторов, чтобы хоть как-то выйти из положения.

Все, решил я, пробил мой час. Упускать этот шанс нельзя. Надо сказать, что примерно в то же время попалась мне на глаза небольшая книжечка, брошюрка даже, которая произвела на меня неизгладимое впечатление. В ней рассказывалось о механизаторе из Оренбуржья Нектове. Был он на фронте. В одном из боев получил тяжелое ранение, и в резуль-

тате одну ногу ему ампутировали выше колена, другую — ниже. Однако меня особенно потрясло то, что Нектов сумел встать в трудовой строй: работал на тракторе, убирал хлеб на комбайне, а тогда еще были прицепные, управляться с ними было не очень-то легко.

«Как же так?! — думал я. — Нектов может, а я нет? Молодой, здоровый, сильный — неужели не сумею?»

В общем, это подтолкнуло меня, решение созрело окончательно. Уговорил я Кузьму Митрофановича Селиванова. Дозволил он мне пойти в прицепщики. Определил меня к Анисиму Сироткину, отличному механизатору, душевному человеку. Тот быстро ввел меня в курс дела, и мы хорошо сработались. Хотя и уставали основательно, но на полевой стан возвращались довольные работой и друг другом. «Раскусив» мой замысел, Анисим стал приобщать меня к трактору, учил и в двигателе разбираться, и пахоту вести, и машиной управлять. Только выжимать ногами педали я все не решался. Но постепенно и этот рубеж взял. Как-то отправился Сироткин на полевой стан наряды закрывать. Сейчас мне кажется, что сделал он это не случайно, а с тайным умыслом. Посидел я немного и решил: чего простаивать, время-то идет. Попробую-ка сам пахать, без Анисима. Не справлюсь, так свидетеля моего позора не будет рядом. Пересел на место тракториста и почувствовал, как поджилки затряслись. Подбадриваю сам себя, успокаиваю. Немного добавил оборотов двигателю. Трактор натужно дрогнул, затрясся всем корпусом, тогда я еще увеличил обороты и «ДТ-54» медленно пошел вперед. И тут только я почувствовал, что пот заливает все лицо. Перевел дыхание, понемножку успокоился. Да какой там — успокоился! Радость волнами в сердце ходит, грудь распирает. Это же надо! Я, я сам пашу, сам веду трактор, и он мне подчиняется как миленький! Значит, могу, значит, все можно осилить. Так я пахал до самого вечера, боясь трактор остановить, расстаться со своей радостью.

Когда выключил мотор у края поля, подошел Анисим Сироткин и как ни в чем ни бывало сказал: «Ну вот и хорошо».

Ты теперь днем будешь работать, а я ночью. Я уже договорился.— И рассмеялся:— Ну и чумазый же ты!»

Вылез я из кабины, спрыгнул на вспаханную землю, а ноги неожиданно подкосились и я упал, словно куль, у самых гусениц, уткнувшись лицом в теплую мякоть земли. Но чувствовал себя безмерно счастливым — я хлебороб!

И вдруг новый крутой поворот в моей судьбе. Из-за тяжелой болезни вынужден был оставить должность директора и уехать с целины Селиванов. Как много, оказывается, может зависеть от одного человека! Пришел на его место другой — и отношение ко мне изменилось. Может быть, и добрые побуждения были у нового руководителя — оберечь меня от тяжелой работы, подыскать более легкое дело, но меня это здорово обидело.

В общем, отлучили меня от техники. Тогда уехали мы с женой в колхоз «Победа» Целинского района Ростовской области, к родственникам Аннушки. Устроились неплохо. Там мне без разговоров дали трактор. Но разлука с целинной степью переживалась тяжело и болезненно. Признаюсь откровенно, я даже и подумать не мог, что оно так получится. Хоть и хороши места под Егорлыком, куда как лучше Притоболья, земля добротна и ухожена, щедра и цветуща, а вот, поди ж ты, сердце принадлежало казахстанской степи — с ее белопеными ковылями, алыми тюльпанами по весне, с огромным, поистине космическим размахом пшеничных полей. Перед глазами все чаще вставала целинная степь — то заснеженная, метельная, буйная, то спокойная, умиротворенная в хлебной бескрайней позолоте. Ведь именно в казахстанских далях я почувствовал себя таким же человеком, как все. Жена сказала мне: «Что ты изводишься? Езжай обратно, определяйся».

Короче говоря, вернулись мы на целину, только не на старое место, а забрались еще дальше на восток — в Целиноградскую область, в совхоз «Родина». Директор Николай Гаврилович Тимошенко — прекрасный человек, старой большевистской закалки, в войну бесстрашный летчик-истребитель, характером напоминал мне Селиванова. Правда, опять прихо-

дится признаваться, что и его я при оформлении на работу ввел в заблуждение наученный горьким опытом. Когда он спросил, отчего прихрамываю, я, опасаясь, как бы он вежливо не «завернул» меня обратно, беспечно ответил, что купил ботинки в Целинограде, а они оказались тесноваты, жмут, проклятые, вот и натер ноги. Тимошенко не усомнился, даже посочувствовал. Потом, конечно, узнал, как оно на самом деле, но корить не стал: «Значит, жмут, говоришь?»— и покачал головой.

В совхозе «Родина» я с шестьдесят пятого года. Здесь моя земля, друзья, с которыми, как говорится, и хлеб-соль делим, и трудности преодолеваем, и урожай собираем, и учимся, чтобы с каждым годом богаче, щедрее был гектар степной нивы, полновеснее пшеничный колос. А обеспечивает это прежде всего почвозащитная система земледелия, разработанная целинными учеными во главе с академиком ВАСХНИЛ, лауреатом Ленинской премии, Героем Социалистического Труда Александром Ивановичем Бараевым.

Немало преград было на пути почвозащитной агротехники. Внедрялась она с большим трудом на полях нашего хозяйства, так как не сразу мы могли отрешиться от традиционных приемов земледелия, настолько крепко въелась в поры привычка пахать землю, обрачивать пласт.

Теперь никого не надо убеждать в преимуществах и достоинствах почвозащитной системы земледелия: давно уже понятно и доказано, что такая агротехника не только надежный щит от ветровой эрозии почвы, но и ключ к высоким урожаям.

...Ежегодно повторяются одни и те же заботы: снегозадержание, закрытие влаги, подготовка паров и подъем зяби, посев, уборка возвращенного урожая. В общем, я живу этой рабочей повседневностью, будничными хлопотами и нахожу радость в любой работе на поле. Но самым любимым делом для меня, как, впрочем, и для каждого землепашца, была и остается все-таки жатва.

Мой старший сын Сергей тоже освоил профессию меха-

низатора — на комбайне со мной не одну осень управлялся и скажу, что достаточно толково.

Рассказывая о своей жизни, я нередко определяю свои чувства словом *счастье*. И в этом нет никакого преувеличения. Хотя и немало было горьких и тяжелых моментов в моей судьбе, да и сейчас без сложностей не обходится, однако радостных, отмеченных ощущением полноты жизни гораздо больше. Может быть, я повторяюсь, но самым счастливым для меня стал тот день, когда я впервые почувствовал себя настоящим, полноценным человеком. И этим я обязан целине. Все остальное как бы производное, как очередные ступеньки одной лестницы.

Нет-нет да и приходится мне слышать о себе такое: Картаузов подвиг совершил. К этому у меня отношение вполне определенное: ничего особенного я не совершил, просто работал. Поэтому в конце 1972 года, когда я был удостоен высокого звания Героя Социалистического Труда, прежде всего подумал наедине с самим собой: а ведь ничего особенного ты, брат, не совершил. Да, работал, да было тебе нелегко, только кому же просто идти от высоты к высоте, от рубежа к рубежу? И что это тогда за высоты, если они легко покоряются? Работать нужно еще больше, еще напряженнее, чтобы хоть как-то ответить на такое величайшее доверие, всенародное признание скромного твоего труда.

Я не хочу и не могу останавливаться, как говорится, на достигнутом, меня привлекают все новые и новые дела. Продолжаю постоянно учиться: у жизни, у своих товарищей по сельскому труду. Не скрою: я по-хорошему завидовал тем механизаторам, которые осваивали мощные тракторы-красавцы «Кировец». Думал, что мне самому не удастся справиться с этой современной и очень сложной машиной. И все же решил попытаться.

Осил! Досконально изучил теорию, сдал экзамены по вождению и получил трактор «К-701», о работе на котором давно мечтал.

Нельзя жалеть сил для того, чтобы оправдать звание

хлебороба-целинника. Верилось, что впереди у меня еще много прекрасных хлебных зорь в раздольной казахстанской степи.

Но так уж получилось — очередной поворот: по состоянию здоровья пришлось недавно оставить прежнюю работу. Сейчас я живу в Целинограде. Работаю механиком в ПМК объединения «Сельхозхимия».

Так что я по-прежнему остаюсь на целинной земле. Продолжается борьба за урожай, за хлеб. Великий хлеб Отчизны.

Л. М. Картаузов, первоцелинник, Герой Социалистического Труда.

Система земледелия— целинная

Героический подвиг Коммунистической партии и советского народа при освоении 42 миллионов гектаров пустующих целинных и залежных земель не имеет ничего равного в истории мирового земледелия.

Мечта об освоении этих земель жила буквально с первых дней Великой Октябрьской социалистической революции. Об этом неоднократно говорил В. И. Ленин в своих выступлениях и об этом же мечтали передовые ученые нашей страны. Однако в то время не было должных материальных ресурсов, чтобы освоить новые земли.

Мы, казахстанские ученые, в 1954 году с энтузиазмом встретили решение ЦК КПСС об освоении обширных целинных и залежных земель Казахстана, Сибири и других районов страны. Однако мы были озабочены тем, что для нашего сурового климата с сильными ветрами непригодна классическая система земледелия, позаимствованная из евро-

пейской части страны, основанная на ежегодной осенней вспашке полей плугами, весенней обработке дисковыми орудиями, зубовыми боронами и посеве зерновых дисковыми сеялками.

Назрела необходимость разработки своей, целинной системы земледелия, со своими основными орудиями обработки почвы и сеялками для посева.

Основные площади освоения целинных и залежных земель в Казахстане были в северных областях. Я работал в то время в Алма-Ате в Казахском институте земледелия. Партия поручила ученым Казахстана изучить практику освоения новых земель и внести на этой основе практические предложения. В каждую из северных областей Казахстана выехали специальные экспедиции, в том числе большая экспедиция института почвоведения Академии наук Казахской ССР. Общие наши выводы сводились к тому, что эффективно разрабатывать новую целинную систему земледелия невозможно без организации в каждой области опытных станций и специального научно-исследовательского института зернового хозяйства.

Организованные экспедиции работали в течение 1954, 1955 и 1956 годов. Для каждого научного учреждения были выбраны типичные хозяйства, в том числе и для Казахского научно-исследовательского института зернового хозяйства.

В апреле 1956 года вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР об организации этих учреждений, причем было оговорено, что размер пашни в этих учреждениях должен быть равен среднему совхозу, примерно около 40 тысяч гектаров.

Мне было поручено возглавить новый Казахский научно-исследовательский институт зернового хозяйства, организованный в центре целинных земель в Шортандинском районе Акмолинской области.

Следует особо отметить исключительный энтузиазм молодежи, приезжавшей из всех вузов страны на свой трудовой семестр для строительства совхозных поселков. Они дали гор-

дое название казахстанским хлебным степям — «планета Целина». Слагались в честь этой «планеты» бодрые, бурлящие энергией песни, которые и до сих пор распеваются студентами, приезжающими в обновленную степь со стройотрядами, а также и коренными целинниками, работающими в настоящее время в совхозах и колхозах.

Те первые годы освоения новых земель стали уже частью историй, и сегодняшняя молодежь даже и не представляет себе, как поначалу было трудно создавать совхозы в голой степи. Сложно было также подобрать кадры ученых, которые не побоялись бы жить в землянках, работали в трудных, непривычных условиях с энтузиазмом и одержимостью.

Перед коллективом научно-исследовательского института стояла важная задача — разработать новую систему земледелия, обеспечивающую защиту почв от разрушительного действия ветровой эрозии, которая в начале шестидесятых годов уже приняла угрожающие размеры и наносила колоссальный ущерб сельскому хозяйству целины. К счастью, нам удалось установить дружеский творческий контакт с научными учреждениями инженерного профиля и конструкторскими бюро машиностроительных заводов. Совместно с ними удалось разработать экспериментальные образцы противоэрозионной техники, очень быстро испытать их у нас в институте на полях опытного хозяйства, в передовых совхозах.

Уже в 1963 году нами было внесено в ЦК КПСС предложение отказаться обрабатывать поля плугами и проводить сев дисковыми сеялками, а вести обработку и посев полей новой противоэрозионной техникой — стерневыми сеялками. С вниманием отнеслись к нашим предложениям по защите почв от ветровой эрозии, а также и по производству экспериментальной техники на различных заводах. Кроме того, было принято решение о строительстве в Целинограде крупнейшего завода по производству этой техники и создании Государственного конструкторского бюро по ее разработке. К 1966 году заводы стали выпускать противоэрозионные почвообрабатывающие

орудия и они стали поставляться совхозам и колхозам целины.

В настоящее время действует производственное объединение по противоэрозионной технике, состоящей из четырех заводов.

Коллектив ученых нашего института на основе противоэрозионной, принципиально новой техники, вместе с учеными опытных станций северных областей республики разработал такую систему земледелия, обеспечивающую надежную защиту почв от ветровой эрозии, существенное повышение урожаев зерновых культур и преодоление губительного действия засухи. В феврале 1966 года на выездной сессии ВАСХНИЛ наши предложения получили одобрение и были рекомендованы в производство в северных областях Казахстана и степных районах Сибири.

Почвозащитная система земледелия получила полное одобрение хлеборобов и в 1980 году была внедрена в стране почти на сорока миллионах гектаров с ежегодным экономическим эффектом 800 миллионов рублей. С учетом принятого постановления партии и правительства об увеличении производства противоэрозионной техники можно рассчитывать, что внедрение этой системы к концу одиннадцатой пятилетки достигнет 58 — 60 миллионов гектаров. В свете решений XXVI съезда КПСС и майского 1982 года Пленума ЦК КПСС коллектив ученых наметил программы дальнейшего совершенствования приемов почвозащитной системы земледелия и противоэрозионной техники, чтобы внести свой вклад в реализацию Продовольственной программы страны.

Исследованиями ученых нашего Всесоюзного научно-исследовательского института зернового хозяйства, научных учреждений Казахстана и степных районов Сибири установлена высокая эффективность внесения под зерновые культуры фосфорных удобрений из расчета 3-4 центнера на гектар. Урожай зерновых культур в результате этого повышается на каждом гектаре на 3,5-4,5 центнера. Таким образом, при повсеместном комплексном внедрении в производство всех приемов почво-

защитного земледелия, обязательного введения в зерновые севообороты чистых паров, а также поставке в одиннадцатой пятилетке требуемого под зерновые культуры научно-обоснованного количества фосфорных и других удобрений, можно рассчитывать на повышение производства зерна в республике до 35—36 миллионов тонн, а в дальнейшем и на получение средних ежегодных урожаев по двадцать центнеров с гектара.

А. И. Бараев, академик ВАСХНИЛ, доктор сельскохозяйственных наук, профессор, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

Цветы для Наташи

...Стояли обычные в эту пору холода, дули пронизывающие ветры. Но такая погода привычна Наташе. После очередного отпуска это был ее первый рабочий день, она еще утром отправилась со своим «рыжим Петькой» — так Наташа называет свой трактор «К-701» — на бригадные массивы проводить снегозадержание. В этот самый день в зимней степи, в широком заснеженном поле держала Наташа Геллерт букет цветов. Как и каждая женщина, она любит цветы. Да и сама она, тоненькая, хрупкая, обаятельная, похожа на красивый степной цветок. Как-то призналась, что для нее самые лучшие цветы — полевые.

Зимой в степи тюльпаны не цветут. И поэтому друзья-механизаторы привезли ей белые, как снег, каллы.

По холодной январской степи ехала она в теплой кабине «Кировца», и перед ее глазами качался этот нежный букет. Но, конечно, не любовь к цветам определяет ее характер и твердость, а необыкновенная целеустремленность.

«Я выросла в деревне и, насколько помню, всегда меня

окружали поля, начинающиеся прямо за домом. Рано научилась помогать родителям: окучивать картофель, полоть огород, часто носила отцу-механизатору в поле обед. Мать заворачивала в полотенце или в платок кусок сала, краюху хлеба, два-три яйца, бутылку молока и вручала мне,— рассказывает Наташа.— Шла сначала селом, потом полем. Я страшилась степной бесконечности и все же гордилась: отца иду кормить. Может быть, он, сам того не сознавая, еще в детстве заронил в мою душу зернышко, которое проросло, пустило корни, укрепило меня на этой земле».

После восьмилетки Наташа собралась в сельское профтехучилище. Решила твердо: буду трактористкой.

Отец прищурил глаза, внимательно, как бы узнавая заново, посмотрел на дочь: «Чего тут говорить, матери хочется, чтобы ты другое занятие нашла, почище, ну, а если на мой резон, так оно и в самый раз, поддержка моя в этом полная. А мать убедим, никуда не денется: большинство голосов-то у нас. Молодец, Наташка, в меня пошла. Ведь я сам с 15 лет на тракторе. Хотя ты у нас тоненькая и хрупкая, но характер у тебя крепкий, целинный. Чтобы стать настоящим механизатором, нужны настойчивость и упорство. Без них, доченька, в любом деле нельзя, а тем более в нашем. Я верю, что ты справишься. Держись крепче за рычаги, дочка. Будут у тебя и мозоли на руках, и бессонные ночи, не раз, может, подумаешь, что не по тебе эта работа. Но в нашем роду не привыкли пасовать перед трудностями...

Пойти в училище механизации Наташа сагитировала и свою подругу Тамару Акулич.

Ребята над ними в первое время подшучивали: «Девчонки, вы же не туда попали. Вам на курсы поваров надо, а здесь трактористов готовят!» Но насмешники прикусили языки, когда девчата в технике стали разбираться не хуже их и доказали, что упорства и настойчивости им не занимать.

Получив права механизаторов, Наташа и Тамара стали осенью 1969 года работать на тракторах «ДТ-75».

Жатва выдалась трудной. Хлеба было много, убирать его

и отвозить зерно мешала непогода. От бригады до асфальтированной трассы расстояние немалое, а дороги нет — сплошное месиво. Перед трактористками поставили задачу: принимать автомашины у трассы, доставлять их на ток с пшеницей и снова сопровождать грузовики и самосвалы до шоссе. Сколько забуксовавших машин пришлось вызволить им в те дни затяжного ненастья!

Нелегко приходилось девчатам, но выстояли, выдержали. «Догонять горизонт» — не только любимое выражение Наташи, это и ее девиз. И все 14 лет ее хлеборобской работы убеждают в этом. Конечно, не с одних трудностей и горестей начиналась ее трудовая биография. С помощью опытных механизаторов бригады и в первую очередь первоцелинника Григория Ивановича Воробья, Наташа неплохо освоила трактор, научилась укрощать его нрав, постигать мастерство, понимать землю.

Характер проверяется и закаляется в буднях. А их без преодоления трудностей не бывает. Задалась Наташа целью освоить могучий трактор «Кировец».

Трактор «К-700» покорила её, подчинился ее маленьким рукам. Много морозных и вьюжных дней провела девушка в неоглядных полях. Сколько раз, доставляя необходимые совхозу грузы, совершала нелегкие рейсы по метельной кургальджинской степи. Не однажды оказывалась в критических ситуациях, когда надеяться можно было только на мощь трактора и собственную выдержку.

В 18 лет была награждена медалью «За трудовую доблесть». А еще раньше получила свою первую комсомольскую награду, очень дорогую для нее — знак ЦК ВЛКСМ «Золотой колос». В 1974 году стала обладательницей Всесоюзного приза имени прославленной трактористки первых пятилеток Паши Ангелиной.

«Наше поколение не искало себе ни легкого хлеба, ни легких дорог. Ведь самое дорогое, самое прекрасное в нашей жизни — это самоотверженный труд на благо любимой Родины».

Эти слова Прасковьи Никитичны, начертанные на основании приза, всегда помнятся Наташе, одной из тысяч последовательниц первой колхозной трактористки. Ее поколение тоже не ищет легкого хлеба.

Когда Наташа предстала перед жюри международных соревнований пахарей стран СЭВ, проходивших в 1975 году в Туле,— кстати, единственная женщина, участвовавшая в этих состязаниях, кое-кто засомневался: сможет ли она управлять «Кировцем»? Чтобы проверить это, в кабину вместе с Геллерт сел даже один из иностранных членов жюри.

«Вначале у меня возникли сомнения в успехе,— вспоминает она этот эпизод.— Ведь впервые я пробовала силы на столь серьезном первенстве. Это одно. И другое: когда увидела, что на «К-700» навешан многокорпусный плуг с лемехами, буквально оторопела. Мы же на целине плоскорезами землю обрабатываем. У нас своя система — почвозащитная. А тут с плугом, боюсь, что проиграю,— бормотала я все это своему соседу по кабине».

Однако его изумлению не было предела. Когда жюри поинтересовалось после проверки мнением своего представителя, тот восторженно ответил: «О! Если бы проводились соревнования по фигурному катанию на тракторах, то, я уверен, эта очаровательная девушка и там бы завоевала первенство».

Из Тулы Наташа тогда привезла золотую медаль победительницы. В 1979 году она вторично представляла нашу страну на международных соревнованиях пахарей в Чехословакии, где была награждена серебряной медалью.

Но это, если так можно выразиться, ее праздничные часы. А жизнь-то состояла из повседневной напряженной работы. И в ней молодая трактористка показала свое мастерство, самоотверженность, необыкновенное трудолюбие. В пору весенней страды она вела предпосевную обработку и сев, летом была на сенокосе и обрабатывала пары, осенью поднимала зябь и отвозила зерно,— ведь в этом и заключается работа на земле. Девятую пятилетку она выполнила за четыре года. Как одному из лучших молодых механизаторов Целиноград-

ской области ей торжественно вручили именной трактор «К-700». В ее доме среди многих драгоценных реликвий хранится памятная фотография экипажа космического корабля «Союз-14» и орбитальной станции «Салют-3». На обороте космонавты Ю. Артюхин и П. Попович написали: «Больших тебе успехов, Наташа, в труде и счастья в жизни».

И эти сердечные пожелания сбылись. В 1976 году Наташа взяла еще один важный для себя рубеж: оставив своего «рыжего Петьку», впервые повела пшеничной полосой комбайн «Нива», о котором давно мечтала. Неплохо поработала на жатве. Намолотила более 800 тонн отборного зерна. Известие о замечательной работе на хлебном поле дошли до космоса, где совершал полет корабль «Союз-22». Находясь на орбите, Валерий Быковский и Владимир Аксенов направили Наталье Геллерт сердечное поздравление: «Поздравляем с большими трудовыми успехами в уборочной страде первого года десятой пятилетки. Послушный твоим золотым рукам комбайн уверенно покорила целинную ниву, ежедневно выдавал рекордное количество зерна. Твое трудолюбие, преданность избранной профессии являются выражением лучших качеств советской молодежи, славного племени комсомольцев 70-х годов. Желаем большого счастья, радости, успехов в овладении высотами хлеборобского мастерства. Новых побед на ударной вахте в честь 60-летия Великого Октября».

Директор совхоза имени Амангельды Аргын Сарсенов, умелый воспитатель, сдержанный и немногословный человек, заметил: «Если бы несколько лет назад кто-то сказал, что эта хрупкая девчонка за короткий срок добьется таких успехов, я бы искренне удивился. Не каждому мужчине под силу за сезон обработать 1000-1200 гектаров зяби или намолотить 10 тысяч центнеров зерна. А Наташе это удастся. Не только сама сделает, но и других убедит. Не словами, а личным примером. Сами механизаторы говорят, что рядом с ней нельзя плохо работать».

В ее просторной квартире на видном месте в хрустальной

вазе пучок тяжелых пшеничных колосьев — из первого уборного ею урожая.

— Я теперь просто не представляю себя без комбайна,— признается Наташа.— Я все эти годы с удовольствием работала на тракторе. Заботы пахаря, сеятеля близки мне и дороги, но полностью я почувствовала себя хлеборобом, когда сама на комбайне подобрала первый пшеничный валок, когда держала на ладони горсть обмолоченных мною зерен... Нет, трудно словами высказать свои чувства, передать их можно только работой. Теперь каждую уборку — на комбайн.

В прошлую осень Геллерт была на комбайне, а ее новым трактором «К-701» управляла младшая сестра Аня, работавшая несколько лет библиотекарем и освоившая затем, под влиянием Наташи, профессию механизатора. Стал комбайнером и их брат Артур. Когда вернулся из армии Роберт, сразу же стал учиться в Кургальджино на курсах шоферов. Еще один брат Эдуард после окончания сельхозинститута работает в родном совхозе инженером-механиком. Между прочим, и муж Наташи, Кази Бекишев, окончивший совхоз-техникум, имеет самое непосредственное отношение к технике: работает мастером-наладчиком в бригаде.

Нужно относиться к работе и людям с душой. Эту простую истину Наташа поняла глубоко и верно.

— Когда я вижу, что кому-то трудно, считаю своим долгом помочь человеку,— говорит Геллерт.— Стараюсь относиться к другим так, как хотела бы, чтобы относились ко мне. Мне везет на хороших людей. Когда случаются поломки или на ремонте не хватает силы поднять какой-нибудь узел, или отвернуть гайку (все-таки трактор-то «Кировец»!), мужчины всегда помогают. Правда, пошутят насчет женской слабости, но я на добрую шутку не обижаюсь.

Работа работой, но и о доме заботиться надо, ведь у Наташи и Кази Бекишева подрастают дочь Жанаргуль и сынишка Алеша. Хлопот с детишками, конечно, хватает. Но со всеми заботами они успешно справляются. В их дружной семье — полное взаимопонимание. И когда молодую мать

спросили, не собирается ли она менять профессию, то Наташа даже обиделась:

— Что вы! Как же ей изменить?! В ней судьба. Живем-то мы на целине. Наши отцы ее подняли, а нам ее силу умножать.

Призыв Геллерт «Девушки, на трактор!», прозвучавший на всю область, был услышан и, когда завершилась очередная страда, в списках механизаторского всеобуча в каждом районе, каждом хозяйстве появились десятки фамилий выпускниц школ, домохозяек, молодых производственников.

А Наташа, не оставляя работы в бригаде, нашла время для учебы — закончила техникум, получив специальность агронома. Полученные знания помогают ей еще глубже постигать сложную хлеборобскую науку, совершенствовать свое механизаторское мастерство, накапливать опыт.

Да, любимое дело формирует позицию человека, его характер. А это, естественно, вызывает доверие к нему и народное признание. Все это в полной мере можно отнести и к Наталье Владимировне Геллерт. Двадцати лет ее принимают в партию. Вскоре вручают орден Трудового Красного Знамени, затем она удостоивается высшей награды Родины — ордена Ленина, а немного позже — ордена Дружбы народов. Она была делегатом XIV и XV съездов Компартии Казахстана, XVII съезда ВЛКСМ, трижды избиралась депутатом областного Совета народных депутатов.

Люди идут к ней за советом и помощью, с радостью и горем. И всем она старается помочь: кого просто выслушает, подскажет, что сделать, где-то лично вмешается, как депутат. Не без ее участия и настойчивости в селе открыта библиотека, отремонтирован клуб, построен детский сад, зеленеют и благоустраиваются улицы совхозного поселка. Например, Наташе, как члену постоянной планово-бюджетной комиссии, было поручено возглавить проверку на Целиноградском заводе торгового оборудования. Там спустя рукава отнеслись к выпуску товаров массового спроса. Вопрос был поднят по ее же инициативе. В результате разработанных после тщательного разбирательства рекомендаций, положение улучшилось,

население стало получать гораздо больше необходимых товаров. Геллерт и после проверки долгое время постоянно интересовалась, как идут на заводе дела.

Одной ей известно, как она находила для этого время. Ведь ее собственная работа особая, поле ждать не может, на потом труд земледельца не перенесешь, не отложишь.

И вот — январский день в заснеженной степи, которому суждено было стать особенно памятным в ее биографии. Наташа вела свой трактор по ветровому раздолью. Мерный рокот трактора, аккуратно нарезанные валки снега вздымаются за кабиной. Внезапно недалеко, у края поля, останавливается машина, из нее выскакивают друзья и возбужденно машут руками. Через несколько минут Наташа — в нескладной большой телогрейке, в старенькой шапке-ушанке, пропахшая соляжкой, — растерянная от неожиданности, стоит около своего «Кировца» с роскошным букетом в руках... Учительница местной школы, ее давняя подруга Антонина Степановна Трофимова и друзья-механизаторы приехали на зимнее поле, где Геллерт проводила снегозадержание и поздравили Наташу — она выдвинута кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР.

Если вам доведется побывать в Кургальджино, обратите внимание на новый дом связи. Он строился не без участия Наташи — таков был один из наказов ее избирателей. Под воздействием депутата Геллерт сдвинулось с мертвой точки сооружение дороги из Атбасара в Ладыженку, строится школа в совхозе «Карашалгинский». Есть у депутата заботы и в Целинограде — сооружение больницы. Эта работа еще в стадии проектирования, зато школа в одном из микрорайонов города начата еще прошлой осенью, в тресте, которому поручено строительство, школу так и называют «депутатской».

— Наташа от сказанного не отступится, она человек самостоятельный, — говорит о Геллерт Герой Социалистического Труда Леонид Картаузов. — Я-то по своему опыту знаю, что и депутату не легко пробивать наказания избирателей. А ведь Наташа... Она ж девчонка еще... Но до чего славная девчонка! —

работ, то есть трудятся по принципу: что посеял, то и жни. От них самих зависит урожай.

— Это и есть главное,— уверена звеньевая.— Теперь мы видим плоды нашего труда.

Уже в первую жатву молодежное звено собрало со своих полей по 16 центнеров зерна с гектара, тогда как совхоз в среднем почти на три центнера меньше. Первым в хозяйстве «Целинник» управился с жатвой и тут же переключился на уборку хлебов во второй бригаде совхоза. Там тоже показал рекордные результаты. Механизатор Омарсерик Мендикулов раньше всех в хозяйстве намолотил тысячу тонн зерна, вслед за ним стал тысячником самый молодой член «Целинника» Артур Геллерт. За ними достигла этого показателя на обмо- лоте сама Наташа.

— Теперь подумываю: как бы в институт поступить, на заочное,— делится своими планами Наталья Геллерт.— Це- линная степь, освоенная нашими отцами, поколением перво- проходцев, меняется на глазах. И для дальнейшего ее освое- ния и преобразования нужны, кроме энтузиазма, трудового героизма, мастерства и опыта, глубокие знания, научный подход. Таким должен быть современный механизатор.

Наташа, Наталья Владимировна Геллерт...

Ею гордятся в целинной степи, ее искренне любят, ее примеру следуют многие.

Г. П. Терец, журналист.

Если не ты, то кто же?

В Мариновке, в райкоме комсомола, нам сказали: до Адыра двадцать километров. Но едва машина вскочила из райцентра на трассу, как далеко впереди возник силуэт эле-

ватора. Нижняя его часть отсечена была линией горизонта, зато верхняя четко выделялась на фоне неба.

Мы знали: никакого другого элеватора, кроме адырского, поблизости быть не должно. Но неужели он?.. Все же два десятка километров, не шутка...

Миражами эти места вроде бы не знамениты. Значит, воздух над ровной степью так прозрачен, а сам элеватор настолько огромен, что расстояние глазу не помеха...

Далеко влево уходили от дороги поля. И справа были они же, прикрытые снежным ковром. Куда бы ни обратился лицом, в любой стороне открывались за окоемом пространства, раз в году отдающие урожай.

Элеватор стоит в таком месте, что сподручно сдавать сюда хлеб не только «своим» — мариновцам. Везут его, пересекая границу района, астраханские и атбасарские хозяйства. Когда еще только выбирали место для будущих закромов, по соображениям экономической целесообразности остановили выбор на Адыре. Адыр, кроме всего прочего, — железнодорожная станция. Отсюда рукой подать до автодороги, которая на картах обозначена как трасса общегосударственного значения, наиболее важная, а значит — добротная.

Но пора уже сделать одно признание. Бесспорно, что элеватор — это объект, весьма и весьма достойный внимания сам по себе. И все-таки на сей раз он интересовал нас постольку, поскольку здесь работает Тлекпай Тшембаев. Кем работает? Кажется, проще вопроса не придумаешь. А дать односложный ответ — трудно. Потому что Тлекпай Тшембаев — и сушильный мастер, и слесарь-ремонтник, и электрик, и сварщик, и моторист. А в целом — очень нужный предприятию человек.

И пусть это не вызовет улыбки: дескать, что еще за категория такая — «нужный человек». Надо представлять себе трудности, с какими, случается, сталкивается малый коллектив. Элеватор, увы, не завод, где одного может заменить другой, а отсутствие третьего и вовсе останется незамеченным. Каждый человек элеватору дорог, всякий — на счету. Особенно — в дни хлебной страды. И если случится, что заболит

человек, не займет однажды утром свое рабочее место, и это будет грозить сбосом,— то кто тогда спасет положение? «Лишнего», «запасного» взять будет негде, это уж точно. Значит, вся надежда на такого, как Тшембаев. Он отработает и за себя, и за выбывшего из строя товарища. Тут-то выпукло и зримо проявится цена понятия «взаимозаменяемость», а заодно — цена самого человека.

Развивая эту тему дальше, мы должны будем признать: Тшембаев — очень нужный человек не только для своего предприятия, но и для всего села. Как элеватор — это не завод с его многотысячным коллективом, точно так и Адыр — не город с его коммунальными и прочими службами, готовыми любому прийти на помощь. Мало ли что бывает. Порвет февральский буран провода, оставит без света целую улицу. Сломается водоразборная колонка. «Сгорит» у стариков радиола. Кто тут выручит? Конечно, сосед, у которого, как говорится, и голова, и руки золотые. «Тлекпайжан,— скажет аксакал,— пусть аллах пошлет твоему отцу внуков, похожих на тебя сердцем!»

Когда в одном из номеров «Комсомольской правды» были названы имена новых лауреатов премии Ленинского комсомола, поздравления принимал и Тлекпай Тшембаев. Премии он был удостоен, говорилось в газете, «за большие успехи в труде, инициативу в социалистическом соревновании, за изыскание и использование резервов повышения эффективности и качества производства».

Через некоторое время в Адыр позвонили из обкома комсомола: звали Тлекпая в Целиноград. Здесь, на одном из массовых молодежных праздников, ему торжественно вручили диплом лауреата. Впервые он ощутил на себе так называемое бремя славы.

Вполне можно было задержаться в Целинограде на два-три дня. Что называется, отвлечься, развеяться. Положа руку на сердце: кто бы на его месте отказал себе в этом? Двойной ведь праздник: и личный, и общий. Наконец, для него, рабо-

тающего дома в очень плотном режиме, отоспаться всласть в гостиничном номере — тоже великое благо...

Но Тлекпай торопился домой. Были на то свои причины. Ожидалось прибавление семейства — это раз. Тянуло к дочке, Кымбат, — это два. Тогда ей только-только пошел третий год. Игрушку он уже припас, и с легкой душой мог теперь возвращаться.

Прикинул, что будет в Адыре еще засветло. Дорогой представлял: сначала отец, близоруко щурясь, рассмотрит диплом, потом развернет под углом его створки и в таком виде поставит диплом на комод — на почетное место...

Но раньше домашних его встретил в Адыре директор элеватора Кабдрахман Апетович Апетов. И дело сразу же приняло неожиданный оборот.

— Тлекпай, — сказал Апетов, — твою радость должны разделить с тобой товарищи.

Скоро в клубе собрались односельчане. Директор вышел к трибуне с лауреатским дипломом Тшембаева в руках и сказал:

— Мы все рады этой высокой комсомольской награде нашего Тлекпая.

Обеспокоен директор следующим. Маловато на элеваторе молодых рабочих. Побольше бы их — энергичных, инициативных, технически грамотных. Тайная мечта руководителя — чтобы все они были похожи своими деловыми качествами на Тшембаева. Увы, мечта пока несбыточная. Ежегодно в местной средней школе больше тридцати ребят заканчивают кто восемь, а кто десять классов. Но на элеватор приходят не многие из них.

Рукой подать до райцентра. Близко Атбасар. И Целиноград — он тоже не за тридевять земель. Вот и «рассеивается» потенциальный рабочий резерв.

Совсем рядом есть еще один магнит, притягивающий молодых. Это станция. Конкурировать элеватору с железной дорогой трудно. Оттого-то директор Апетов озабочен тем, чтобы поднять престиж профессии хлебозаготовителя. Попро-

му-то пригласил людей в клуб (были там и школьники): пусть увидят, что столь почетное звание — лауреата премии Ленинского комсомола — можно заслужить, работая как раз в системе хлебозаготовок...

Искать на элеваторе нужного вам человека — нелегкое дело. Рабочая башня взметнулась на высоту 20-этажного дома. Если пренебречь лифтом и отправиться на самую вершину пешком, надо будет одолеть больше тридцати лестничных маршей.

Башня щедро начинена технологическим и транспортным оборудованием. Попробуй тут угадай, на какой из отметок — иначе говоря, на каком из этажей — находится в данный момент электрик или ремонтник...

На помощь пришел диспетчер. Гулкие пролеты огласились условными звонками, адресованными Тшембаеву, и наконец появился он сам — небольшого роста, крепко сбитый, улыбочивый. Скоро к этой внешней характеристике мы с полным основанием сможем прибавить такую его черту, как неразговорчивость. Выслушает вопрос, улыбнется загадочно, медля с ответом и, как бы просеивая слова, отбирая только нужные. Так что в этом смысле Тшембаев, наверное, не находка для журналиста. Впрочем... Может, он как раз облегчал нашу задачу, избавляя от нужды отделять как говорится, зерна от плевел.

Здесь, в Адыре, Тлекпай родился, здесь же закончил восемь классов. Случайно ли оказался на элеваторе, или надо искать в этом некую закономерность? Скорее, случайно. Так совпало, что именно в это время подбирали ребят на курсы сушильных мастеров. Честно говоря, даже изъявившие желание учиться смутно представляли себе, что за работа ждет их в будущем. Тлекпай не составлял исключения. Но... «Сушильный мастер» — это, во-первых, звучало солидно, а во-вторых, обещало какое-то настоящее дело. Часто именно этих двух условий молодым людям бывает достаточно, чтобы без лишних метаний определиться в жизни. Тлекпаю этих условий тоже хватило. Решился...

Учиться было не трудно, даже легко, потому что нравилось. Однажды на занятиях он сделал вдруг открытие, поразившее его. Оказалось, первый в России силосный элеватор появился еще в Нижнем Новгороде, в 1887 году. Существовали элеваторы и раньше. А он-то искренне был уверен, что все они — примерные ровесники адырского, выраставшего, раздававшегося «в плечах» у него, Тлекпая, на глазах.

Тлекпай признался: то давнее открытие, почти случайное и для человека постороннего вроде бы пустячное, прибавило ему уверенности в себе. Подумалось тогда: если корни ремесла уходят так далеко, то это нужное ремесло.

Соблюдая хронологию, нам пришлось бы рассказать о первых шагах новичка на производстве. О ситуациях, когда он отдавал распоряжение, а его не очень-то слушались, не торопились исполнять. И о других ситуациях тоже. Когда он брался и делал сам, не надеясь на помощь, а помощь — не прошенная — все же приходила.

Нам пришлось бы рассказать также о годах его армейской службы, которые прошли в подмосковном городке. Как примерный солдат, он исправно получал увольнительные записки, разрешавшие бывать в столице. Удалось увидеть многое. И был соблазн остаться там и работать. Но письма его к невесте Шолпан, в Балкашино, не оставались без ответа, и это все решило. Теперь те письма — фундамент семейного архива.

Нам пришлось бы рассказать и о том, как после армии он снова работал, снова учился — на курсах электриков, газосварщиков и мотористов. Для чего? Чтобы стать максимально полезным.

Однажды он пришел домой и объявил, что записался в школу рабочей молодежи. Занимаясь вечерами, получил аттестат об окончании одиннадцати классов.

Можно бы рассказать и о других событиях его жизни, принадлежащих не очень далекому прошлому.

...Элеватор они нам показывали вдвоем: Тлекпай и началь-

ник участка Валерий Коломоец. Там, где первый уходил в тень, вступал в разговор второй.

— Вот здесь,— говорил, например, Коломоец,— поработал Тлекпай с ребятами. Раньше частенько бывали сбои на конвейерах. Чуть дал нагрузку больше допустимой — и все, затор. Зови рабочих с лопатами. А время — деньги. Как-никак с хлебом дело имеем.

Теперь иначе. На конвейерах поставили реле. Они следят за нагрузкой. Попробуй ее превысить — и цепь сама разомкнется. В общем, удобно. Старое представляется чем-то вроде кошмарного сна.

Еще в Целинограде, в областном управлении хлебопродуктов, мы слышали и о других рацпредложениях Тшембаева. Со многими познакомились потом визуально. Обо всех здесь невозможно рассказать, да и нет в этом особой нужды. Упомянем еще лишь одно, из разряда наиболее крупных. Это — «Реконструкция автоподъемников».

Слов нет, подъемники, как таковые, прекрасно решили задачу разгрузки машин, груженных зерном, и действуют они сейчас на всех элеваторах. Управление этими механизмами построено в разных местах по-разному. В частности, в Адыре оно было чрезмерно усложнено. Каждый из трех автоподъемников обслуживался одним рабочим. В уборочную страду элеватор принимал хлеб круглосуточно, в три смены. Значит, только этот участок заготовительного конвейера отвлекал девять человек. Иначе, как роскошью, такое положение нельзя было назвать.

А что здесь предпринять? Идея, как говорится, носилась в воздухе. Первым со схемой, от руки начертанной в блокноте, и с кое-какими расчетами — довольно, впрочем, приближенными — постучался в директорский кабинет Тшембаев.

В заготовительную кампанию 81-го года автоподъемники впервые работали по-новому. Сами они, правда, остались прежними. Но управляли ими не девять, а три человека — по одному в каждую смену. Причем, сидели они у пульта. А шестеро высвободились совсем, перешли на другие участки.

Возникают законные вопросы. Почему везде, чего ни коснись, Тшембаев? Свет на нем клином сошелся? Вот и рационализатор... Разве нет в коллективе специалистов хотя бы со средним техническим образованием? Им бы, вроде, и карты в руки...

Ответы на эти вопросы мы искали с помощью людей, давно знающих Тлекпая. И все вставало на свои места. Более чем десятилетний стаж работы на элеваторе, плюс два года службы в армейской связи, плюс самообразование обусловили техническую грамотность. Это во-первых. Во-вторых, способность к техническому творчеству никто к диплому специалиста не прищипливает, она, должно быть, природный дар, которым Тлекпай наделен сполна. В-третьих, он сохраняет в себе постоянную неудовлетворенность существующим положением дел. Рассуждает примерно так: «Все хорошо? Значит, можно лучше». Конечно, это только грубая схема рассуждений, в жизни они могут выглядеть иначе.

...Подошел обеденный перерыв, и Тлекпай пригласил нас на чай. Это была хорошая возможность застать всю семью в сборе.

Пока Марзия-апа — мать Тлекпая — вместе со снохой собирали на стол, гостей занимал отец. Копыш Тшембаев известен в округе еще больше, чем сын. Долгие годы работал бригадиром путейцев, заслужил трудовые награды. В свои 70 с лишком он бодр и, говорят, так же остер на язык, как в молодые годы.

Тлекпай рассказывает про Московскую Олимпиаду, куда он ездил по бесплатной путевке. Потом про то, как провел следующий отпуск — в «Красной заре» вместе с бригадой Кенията Шаханова заготавливал сено для колхозного стада. Определенную часть корма, как это предусматривалось договором, привез домой: в личном хозяйстве у них корова и десяток овец.

Живет семья дружно, каждый не сам по себе, а вместе со всеми. Тлекпай, к примеру, знает, что у Шолпан в библиотеке пятьсот читателей, а книжный фонд — 8854 экземпляра. Для

нас было тоже большой неожиданностью, когда он, не напрягая памяти, «выложил» эту цифру. Но Шолпан подтвердила: все верно, помнит...

Само собой, не чужие для них заботы коллектива элеватора, ведь здесь работает, кроме Тлекпая, и Марзия-апа. Любой из Тшембаевых, исключая, конечно, девчонок, мог бы рассказать, что закрома элеватора способны принять намного больше ста тысяч тонн хлеба, что вот недавно сдали новые емкости из металла, экспериментальные, «по последнему слову»...

...Остался позади Адыр. Взвихрившийся снег волнами уходит в сторону элеватора, к его стылым бетонным бокам.

Стылые они только снаружи. А изнутри всегда будут теплыми. Об этом есть кому позаботиться.

Валерий Гук, журналист.

Земное притяжение

І. Петр Петрович

Года три назад мне довелось побывать на торжественном ритуале в совхозе «Острогорский» Мариновского района. В этот день во дворике полевого стана посвящали в хлеборобы молодое пополнение — выпускников Ново-Колутонского СПТУ-65. Запомнились и звонкая медь оркестра, и алые ленты на груди новичков, и узелки с родной землей, которые вручили на память каждому молодому механизатору.

Выступали в этот день многие: руководители хозяйства, ветераны труда, комсомольские работники. Говорили, как и

полагается в таких случаях, о высоком долге хлебороба, о славе первоцелинников, эстафету которой предстоит пронести сквозь года молодому поколению хлеборобов.

...Рядом, за спиной, услышал: «Выступи, Петрович!.. Ведь, считай, половина в твою бригаду пойдет». Кто-то отнекивался. Но, когда объявили, что слово предоставляется бригадиру комсомольско-молодежной тракторно-полеводческой бригады Петру Петровичу Больдту, мимо, к «президиуму», прошел человек. Среднего роста, в круглой серенькой кепочке и такого же цвета рабочем пиджаке. Из нагрудного кармана торчат колпачки пишущих ручек, верхушка блокнота. Прямо-таки сельский счетовод из фильма пятидесятых годов. Не дойдя до микрофона, бригадир начал выступление. Оно было коротким, не больше минуты.

Сказал, что труд землешца, как и ратная служба, дело исконно мужское. И что искать легкой жизни на хлебной ниве или в солдатском строю не стоит — не бывает ее ни там, ни здесь.

После поздравлений начался концерт агитбригады. Поговорить с Больдтом так и не удалось. Как выяснилось, уехал он еще до концерта. Да и не до разговоров ему было: остановились в загонках в один день сразу три комбайна...

Поговорить с бригадиром пришлось только через год. Это была двадцать третья для Больдта жатва. Помню, как он скрупулезно подсчитывал и анализировал эти годы. Оставил только те, что проработал в бригаде — механизатором или бригадиром. Потому что всю жизнь был твердо убежден: хочешь быть настоящим хлеборобом — место тебе в тракторно-полеводческой бригаде. Сожалеет, что несколько лет ушло на работу в должности управляющего отделением. Оказалось, не его это песня. Вернулся в бригаду. Теперь уже до конца.

Наблюдая уже не один год за работой бригады Больдта, заметил: почти каждый год молодежная из «Острогорского» раньше других завершает ответственные кампании: уборку, посевную, сенокос. Сделать это в условиях Мариновского района непросто. Уж очень сильны соперники в соседних

хозяйствах. Судите сами: в «Колутонском» — Герой Социалистического Труда В. А. Дитюк, в колхозе «Красная заря» — знатный в области бригадир К. Шаханов, в «Гвардейце» долгое время работал опытнейший Д. Ф. Питюков. Да и остальные не из робкого десятка. Одних только комсомольско-молодежных бригад — одиннадцать. Это в восьми-то хозяйствах! Показатель редкий, о многом говорящий. Значит, умеют в районе работать с молодежью. А это залог того, что и в ближайшем будущем хлебная нива будет в надежных руках.

«Ставка — на молодежь», — скажет Петр Петрович, когда разговор зайдет о бригаде. И потом объяснит: легче работать. Не в том смысле, что хлопот меньше. Этого как раз хватает, порой с избытком. Главное — понимают с полуслова, охотно откликаются на любую новинку. Со «старичками» сложнее. Пока тот каждый шаг не взвесит, не прикинет, что и как, — ни на какие перемены не пойдет. Не все, конечно, такие. Но когда дело касается перемен, бурчать начинают в первую очередь механизаторы со стажем.

Что же это такое: ставка на молодежь, по Больдту?

В том году перед самой жатвой вернулся из рядов Советской Армии Серик Касенов. Отдохнул пару дней — и в бригаду. Думал взять, какой остался, комбайн, подлатать да и в поле. И бригаде помощь, и заработать после службы — тоже дело нужное. Словом, подходит к Больдту, объясняет свои планы. А тот, ничего не говоря, ведет его к новой «Ниве»: «Забирай, твоя!» Не знал молодой комбайнер, что о нем бригадир думал еще зимой. Тогда-то и договорились с опытным механизатором Кайрулой Сабиевым: подготовим парню комбайн, а не вернется — без дела «Нива» не останется. Ну, а Серик надежды бригадира оправдал сполна, был одним из лучших на жатве.

Александр Сурганов, Владимир Смирнов, еще два Александра — Буданов и Паустьян, — все они выросли в бригаде Больдта, стали надежным ядром коллектива. Многие из них уже давно сами бригадиры и руководители хозяйств. Напри-

мер, Николай Платонов командует сейчас четвертой тракторно-полеводческой бригадой в «Острогорском». После окончания техникума работает мастером в СПТУ Анатолий Зырянов. Пошли воспитанники Больдта и выше: Юрий Гащенко работает главным агрономом в «Гвардейце», Роберт Гердт — главным инженером в «Колутонском».

Так, может быть, в этом секрет бригады Больдта? Нет, считает Петр Петрович, не только в этом. Хорошие люди, работающие везде есть. Главное — порядок и дисциплина. Лично каждого и общая, всей бригады. У Больдта уже забыли, когда в последний раз видели в мастерской накануне жатвы отремонтированный комбайн. Пословицу про «сани — летом, телегу — зимой» здесь помнят всегда, руководствуются ею не хуже любого директорского приказа. Зябь — качественно, до морозов — в обязательном порядке проводят на всей площади. Плюс снегозадержание. Плюс минеральные гранулы в рядки, под каждое зернышко. Плюс...

— Что? — смеется Больдт. — Есть у Больдта секрет?

Какие могут быть секреты от своих товарищей у члена Мариновского райкома партии П. П. Больдта? Уж если что и появится новенького в бригаде, обязательно поделится со всеми. Кстати, и сам при случае за опытом пойти не постыдится. Сеялки в бригаде точь-в-точь как у Дитюка. И после сева «лысин» в поле не бывает. Сказывается соседская смекалка. Ну, а главный секрет бригады Больдта — в труде. Порой тяжелом, по 14—16 часов в сутки. И это не прихоть или волевое решение Больдта. Так требует поле. И кто не умеет слушать «голос» нивы, пусть лучше не берется за хлеборобское дело. Ничего из этого не выйдет.

Устроился как-то в бригаду парень. И собой хорош, и с «головой» вроде бы. Но разговоры все про одно: расценки, надбавки, премии. Когда началась уборка, парень поначалу даже в передовики выбился. Но потом стали замечать: гонит «передовик» гектары беспощадно и без оглядки на сделанное. Много брака. Поговорили с парнем раз, другой, а тот возьми да и скажи: мол, заработать хочу побольше, деньги нужны.

Народ в бригаде бывалый, всякое видал. А потому через день проводили парня в путь-дорогу. Хотя ни от заработка, ни от заслуженной славы никто в бригаде не отказывается. Скажем, у Станислава Шишковского, группкомсорга, орден «Знак Почета», медали, немало комсомольских наград. Да и на зарплату не жалуется: хватает. Но зато работает как! Спросите у Больдта, кто в страдную пору задает рабочий ритм бригады? Не задумываясь Больдт ответит:

— Шишковские!

II. Наследники

Перепев молотка кузнеца и кувалды молотобойца на мгновение прерывается. Из углей отец достает побелевшую от жара болванку. И тогда Славка видит сосредоточенное и в то же время веселое лицо отца. «Берегись!» — кусок металла маленькой кометой летит к наковальне.

Эту картину из детства Станислав Шишковский помнит хорошо. Много лет, под зиму, управившись в поле, Михаил Кузьмич Шишковский отправлялся в кузницу. Брался за любое дело. Надо — подкову выкует и приладит на копыто деревенской работяги. Попросят — починит кастрюлю. Ну, а по части ремонта сельхозорудий ему вообще замены не было.

Но летом, начиная с мая, кузнеца в деревне было не удержать: вместе с пахарями выезжал в поле. И почти каждый день, по росе, подавались за околицу сыновья, тогда еще совсем пацаны — Толик, Славка, Павлик, а потом и Мишка. Иногда по поручению матери, а чаще по своей воле. Через тихую и добрую речушку Аршалы перебирались у Давыдова брода и напрямик за холмы. Туда, где тархтел теперь уже легендарный «С-100», послушный под руками отца. Бегали сюда братья неспроста: выждав час — другой, отец, весело подмигнув помощнику, допускал к рычагам...

Уже давно не пахнут те поля, которые бороздил Михаил Кузьмич. Другие машины, другая агротехника — целинная, почвозащитная — решает сейчас судьбу урожая. Ушел на

пенсию и Шишковский-старший. А в списках механизаторов совхоза «Острогорский» фамилия Шишковских не исчезла, а повторяется теперь пятикратно. Четверо сыновей и сноха старого пахаря и кузнеца трудятся в поле: Анатолий, Станислав, Павел, Михаил и Галина, жена Станислава. Да и сам Шишковский-старший нет-нет да заглянет на полевой стан к Больдту, посмотреть, как трудятся его сыновья.

...В прошлом году весной вернулся домой со службы самый младший — Михаил. И с ходу — в поле, на посевную. Отсеялись, и вместе с отцом отправились на машдвор, посмотреть на новую «Ниву». Михаила в бригаде помнили, и новый комбайн был наградой молодому механизатору за верность хлеборобскому делу.

Школа, сельское профтехучилище, бригада, служба в армии и опять бригада. Такой путь прошли все четверо. Хотя, возможность уйти из бригады, сменить профессию была у каждого из них. Анатолий, например, некоторое время работал в совхозе электриком, затем инженером по технике безопасности. Но, видно, заскучал в тиши кабинетов и снова подался в бригаду, к братьям.

Лидер в семейном звене, по единодушному мнению братьев, Станислав. Почему? «Работает лучше всех», — коротко ответит за братьев Павел. В семье труд всегда был главной оценкой достоинств человека. А по труду, как говорится, и честь. Станислав — делегат XIX съезда ВЛКСМ, представлял в Москве молодое поколение целинников. Честь заслуженная: из года в год намолачивает Станислав по тысяче, а то и больше тонн зерна за жатву.

Но вот в прошлую уборку Станислав среди тысячников не значился. Секрет прост: работал всю осень на «Кировце». Хотя, конечно, хотел быть рядом с братьями, на комбайне. Но в канун жатвы к нему подошел бригадир. Поговорил о том, о сем, а потом вдруг предложил: давай, Слава, возьми на себя «второй эшелон». Он, хоть и второй, а внимания к себе требует большого. Собрать с полей солому, отвезти к фермам, поднять зябь — тут тоже много надо и трудолюбия, и мастер-

ства. Согласно было получено тут же. Комбайн свой, отремонтированный еще зимой, Станислав отдал механизатору из Запорожья Владимиру Харченко. Знал, что не подведет командированный комбайнер — не первый год добровольно приезжает в «Острогорский» на жатву. На «Кировце» в поле появилась жена Станислава — Галина. В бригаде Больдта никто этому не удивился. Трактор-то именной. И вручен он был на площади в Целинограде недавней выпускнице Ново-Колтуновского СПТУ, члену райкома комсомола Галине Тарасовой.

...Работали молодые муж и жена отлично. Галя днем убирала с полей солому, отвозила ее к фермам. Вечером в кабину садился Станислав, и до утра «Кировец» не выезжал из паровых загонок.

Нынешнюю весну, как рассказывала Галина, Станислав подолгу засиживался за столом, что-то писал, подсчитывал. Потом узнала: в бригаде Больдта решили организовать зерновое звено, и работать оно будет по коллективному подряду. Руководить звеном поручили Станиславу. В него вошли все Шишковские, кроме Павла. У него «К-700», а у остальных — «К-701»: не угнаться в загонке за братьями. Пришли в звено и наиболее опытные механизаторы бригады Василий Пронтишев, Серик Касенов, Анатолий Булавик, Иван Кононов... Уже с первых дней посевной стало ясно, что звено полностью оправдывает надежды. Отсеялись раньше бригады, помогали соседям. Станислав, к слову, засеял свыше тысячи гектаров. Для сравнения назову цифру: площадь зерновых, отведенная звену, составляет 1510 гектаров. Так что Шишковский-старший может быть доволен сыновьями.

Валерий Шевалье, журналист.

Содержание

<i>В. Гундарев. Земля щедрой дружбы</i>	<i>3</i>
<i>В. Елисеев. Это наша с тобой биография</i>	<i>10</i>
<i>М. Гольдберг. По широкому пройдуся полю</i>	<i>14</i>
<i>А. Набиев. Служение земле</i>	<i>17</i>
<i>С. Галушак. На переправе</i>	<i>24</i>
<i>Е. Зайцев. Без обратного билета</i>	<i>30</i>
<i>К. Камфорина. По комсомольской путевке</i>	<i>38</i>
<i>Г. Фрумкин. Хлеб на всю жизнь</i>	<i>42</i>
<i>К. Сыздыков. Незабываемое</i>	<i>51</i>
<i>А. Абдрашитов. Словно было это вчера</i>	<i>55</i>
<i>Г. Роцин. След на земле</i>	<i>58</i>
<i>Л. Картаузов. Определение высоты</i>	<i>68</i>
<i>А. Бараев. Система земледелия — целинная</i>	<i>79</i>
<i>Г. Терец. Цветы для Наташи</i>	<i>83</i>
<i>В. Гук. Если не ты, то кто же?</i>	<i>92</i>
<i>В. Шевалье. Земное притяжение</i>	<i>100</i>

*Для старшего
школьного возраста*

**Составители Василий Павлович Елисеев,
Владимир Романович Гундарев.**

Наша судьба — целина

(воспоминания, очерки)

**Редактор Г. Ертлесова
Мл. редактор П. Испулова
Худ. редактор С. Макаренко
Художник Б. Мухамедиев
Техн. редактор Г. Ахинова
Корректор Н. Жолумбетова**

ИБ № 2666

Сдано в набор 14.02.84. Подписано в печать 5.07.84. УГ 18217.
Формат 70×108^{1/32}. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная.
Печать высокая. Усл. п. л. 4,7. Усл. кр.-отт. 4,9. Уч.-изд.
л. 5,2. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1061. Цена 15 коп.

**Издательство «Жалын» Государственного комитета Казах-
ской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.**

**Полиграфкомбинат производственного объединения поли-
графических предприятий «Кітап» Государственного коми-
тета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и
книжной торговли, 480002, ул. Пастера, 41.**

20

18 K.